А. Богдановъ.

КУЛЬТУРНЫЯ ЗАДАЧИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА—1911.

Типография „Печатное Дѣло" Ф. Я. Бурчэ, Москва, Тверской бульв. 50

Въ своемъ точномъ и полномъ значеніи слово „культура“ охватываетъ всю сумму пріобрѣтеній, матеріальныхъ и не-матеріальныхъ, которыя сдѣланы человѣчествомъ въ процессѣ труда, и которыя возвышаютъ, облагораживаютъ его жизнь, давая ему власть надъ стихійной природою и надъ самимъ собою. Сюда входитъ и развитіе орудій, примѣняемыхъ людьми въ ихъ совмѣстной борьбѣ за существованіе; и способы ихъ сотрудничества—сочетанія ихъ усилій въ этой борьбѣ; и физическое совершенство тѣла — его сила, ловкость, красота, — достигнутое сознательнымъ его упражненіемъ; и языкъ людей, объединяющій ихъ дѣятельность путемъ взаимнаго пониманія; и все познаніе, воплощающее накопленный опытъ ихъ прошлаго; и искусство, связывающее многообразныя переживанія людей единствомъ настроенія; и обычаи, нравственность, правовыя, политическія учрежденія, отливающія жизненное общеніе людей въ опредѣленныя, строго выработанныя формы. Все это законно и правильно разсматривается, какъ элементы человѣческой культуры.

Но когда говорятъ о „культурныхъ задачахъ“, то, обыкновенно, понятіе съуживается, и въ немъ подразумѣваютъ только одну сторону цѣлаго, одну часть его элементовъ, именно такъ называемую „духовную культуру“: міровоззрѣніе, художественное творчество, этическія, политическія отношенія и т. п., — то, что всего точнѣе обозначается какъ „идеологія“, общественное сознаніе людей. Въ этомъ, наиболѣе общепринятомъ смыслѣ, буду и я касаться вопроса о культурныхъ задачахъ нашей эпохи. Дѣло въ томъ, что понятіе культуры суживается здѣсь не случайно, и не случайно; когда дѣло идетъ объ ея з а д а ч а х ъ, идеологія выступаетъ на первый планъ, какъ бы заслоняя „матеріальную“ сторону жизни. Задачи матеріальной культуры сводятся всегда къ одному—къ развитію производительныхъ силъ общества, его вла-

сти надъ внѣшней природою; онѣ и ставятся, и разрѣшаются практически, конкретно, на полѣ непосредственной трудовой дѣятельности людей, въ сферѣ производства. Какъ усовершенствовать то или иное орудіе, какъ использовать ту или иную стихійную силу, какъ найти новые источники энергіи для планомѣрной эксплуатаціи, какимъ способомъ распредѣлить и сгруппировать рабочія силы для наилучшаго достиженія данной технической цѣли,—вотъ вопросы матеріальной культуры: ихъ не приходится изслѣдовать въ общей формѣ, какъ соціально-культурныя задачи. Иное дѣло вопросы идеологіи. Они всегда тяготѣютъ къ системѣ, къ единству; ихъ частныя рѣшенія неизбѣжно подчиняются общимъ тенденціямъ, или „принципамъ“. Принципы мировоззрѣнія, мірочувствованія, соціальнаго поведенія концентрируютъ въ себѣ сущность цѣлыхъ обширныхъ формацій духовной культуры, выражаютъ собою цѣлыя линіи соціально-идеологическаго развитія. И потому, если дѣло идетъ о смѣнѣ такихъ принциповъ, т.-е. о перестройкѣ системъ соціальной идеологіи, то передъ нами выступаютъ „культурныя задачи“ эпохи въ самомъ широкомъ ихъ значеніи, въ общечеловѣческомъ ихъ масштабѣ.

И все-таки нѣтъ двухъ отдѣльныхъ культуръ, матеріальной и духовной. Какъ только мы захотимъ понять жизненный смыслъ и происхожденіе объединяющихъ идеологическихъ принциповъ,—изслѣдованіе приведетъ насъ къ „матеріальнымъ“ условіямъ, т.-е. техническимъ и экономическимъ. Техническій уровень общества, его экономическое строеніе — вотъ чѣмъ опредѣляются его культурныя задачи, вотъ откуда онѣ исходятъ.

Но разсмотримъ эту связь болѣе конкретно, чтобы, опираясь на нее, выяснить въ существенныхъ чертахъ культурныя задачи нашего времени.

I.

Въ тѣ времена, когда общество не распадалось на борющіеся классы, а было едино въ своей организаціи,—единой была и его культура.

Среди родовой общины господствуетъ одинаковое міровоззрѣніе, одинаковое мірочувствованіе, одни и тѣ же нравственныя понятія у всѣхъ ея членовъ, отъ ея руководителя-патріарха до усыновленныхъ ею плѣнниковъ-„рабовъ“.

Феодальная система, въ ея чистомъ видѣ, заключала въ себѣ раздѣленіе людей на сословія—властвующихъ и подвластныхъ,—но еще не знала борьбы между ними. И здѣсь культура остается едина, но въ ней намѣчается внутренняя двойственность. Религія одна и та же, но нѣкоторыя части ея ученія составляютъ „тайну“ духовнаго сословія, и недоступны остальнымъ членамъ общества, которымъ, однако, и въ голову не приходитъ сомнѣваться въ истинѣ и глубокомъ значеніи этой „тайны“. Обычаи, нравственныя понятія тоже въ равной мѣрѣ признаются всѣми безъ различія сословій,—но сами дѣлаютъ различія между ними. То, что допустимо и нравственно для феодала, недопустимо и безнравственно для вассала-крестьянина, а также и наоборотъ. Для одного добродѣтелью является гордость, а для другого—смиреніе; первый имѣетъ право быть распущеннымъ, но былъ бы на-вѣки опозоренъ малѣйшимъ проявленіемъ трусости; второй не обязанъ быть безстрашнымъ, но не долженъ уклоняться на стезю разврата, и т. п. Тутъ вовсе нѣтъ двухъ моралей, господской и рабьей, а есть одна, господско-рабская мораль, въ силу которой подчиненный въ своемъ властителѣ уважаетъ то, что счелъ бы для себя гнуснымъ, а властитель признаетъ нормальнымъ для своего подчиненнаго то, чего никогда не подумалъ бы позволить себѣ самому.

Въ обществѣ новѣйшемъ, классовомъ, царствуетъ уже не

простое раздѣленіе, а борьба; единства культуры нѣтъ, и быть не можетъ. Каждому классу свойственно иное міропониманіе, чѣмъ другимъ классамъ, иная оцѣнка и нормы человѣческаго поведенія. Тѣ самыя религіозныя вѣрованья, которыя для захолустнаго крестьянина представляютъ незыблемую и священную истину, для просвѣщенно-либеральнаго буржуа представляютъ не болѣе какъ жалкій предразсудокъ; тѣ нравственныя понятія, на которыхъ основываетъ свое соціальное поведеніе крѣпостникъ-помѣщикъ,—вреднѣйшій пережитокъ прошлаго съ точки зрѣнія сознательнаго рабочаго. Даже единство національнаго языка, внѣшнимъ образомъ связывающее различные классы, въ значительной мѣрѣ является иллюзіей: не говоря уже о томъ, что самый лексиконъ различныхъ слоевъ общества далеко не вполнѣ совпадаетъ, одни и тѣ же слова для людей разныхъ классовъ выражаютъ различное содержаніе, потому что различенъ ихъ опытъ и жизненныя тенденціи, съ которыми они къ нему подходятъ. Что можетъ быть поучительнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ тотъ смыслъ, который вкладываютъ въ слова „свобода“ и „порядокъ“ съ одной стороны капиталистъ, считающій стачку грубымъ нарушеніемъ обоихъ этихъ принциповъ, съ другой стороны—его рабочій, устраивающій стачку какъ разъ для того, чтобы получить больше свободы и внести въ жизнь больше порядка?

И при этомъ различныя культуры не просто существуютъ рядомъ, каждая въ своей сферѣ, среди своего класса; нѣтъ, онѣ противостоятъ другъ другу, какъ непримиримо-враждебныя силы, каждая стремится вытѣснить остальныя, признавая только себя истиной, а прочія — ложью. Кругъ вліянія каждой изъ нихъ меньше и больше того класса, который ее создаетъ; господство и упадокъ этого класса отражаются въ господствѣ и упадкѣ его культурнаго вліянія на все общество. Такъ, въ эпоху подъема буржуазіи, тотъ строй мысли и чувства, который въ ней развивался, подчинилъ себѣ значительную часть прежней феодальной аристократіи; а затѣмъ рабочій классъ долгое время воспитывался въ немъ, и теперь не безъ труда стряхиваетъ послѣдніе его остатки. Культурно-классовая борьба ведется не только между различными классами, но и внутри ихъ.

Очевидно, что для нашего, капиталистическаго общества вопросъ о культурныхъ задачахъ времени не можетъ быть постав-

лекъ иначе, какъ по отношенію къ опредѣленному классу или классамъ. Всякая попытка изслѣдовать его на иныхъ основахъ была бы неизбѣжно безплодной.

II.

Когда говорятъ о культурныхъ *задачахъ*, то несомнѣнно, подразумѣваютъ нѣкоторую жизненную цѣлесообразность: культура зачѣмъ-то необходима, и притомъ не безразлично какая, а именно опредѣленная, по своимъ формамъ и по своему содержанію. Значитъ, прежде всего надо ясно понять эту цѣлесообразность или, другими словами, точно установить, для чего служитъ культура, какова ея реальная, практическая роль въ общественной жизни людей.

Всего легче мы можемъ это сдѣлать, если мысленно вернемся къ самому началу всякой культуры вообще,—къ ея первичному зарожденію среди человѣчества. Какъ ни мало мы знаемъ о тѣхъ до-историческихъ временахъ, но имѣются научныя данныя и выводы, вполнѣ достовѣрные, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ достаточные для нашей цѣли. Такъ, внѣ всякаго спора находится тотъ фактъ, что древнѣйшимъ и первоначальнымъ элементомъ культуры—дѣло идетъ у насъ, конечно, о „духовной“ культурѣ—была *рѣчь*.

Слово было той основной ячейкой, изъ какихъ затѣмъ строился мало-по-малу весь идеологическій міръ. Разумѣется, слово, взятое въ его живой конкретности, вмѣстѣ съ его значеніемъ: голое сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ еще вовсе не было бы словомъ. Я не стану говорить здѣсь о томъ, какимъ образомъ само слово произошло изъ коллективно-трудового акта: это предметъ самъ по себѣ очень интересный, и относительно него существуетъ вполнѣ надежная научная теорія,—но онъ отвлекъ бы насъ отъ нашей темы [1]). Для насъ важнѣе то, что слово — ору-

---

[1]) Вопросъ этотъ выясненъ въ геніальномъ изслѣдованіи Людвига Нуаре (L. Noiré, Ursprung der Sprache, 1877). Я систематически и съ поясненіями изложилъ его выводы въ своей книгѣ „Паденіе великаго фетишизма“ (1910 г., вся первая глава этой работы).

діе общенія людей—было родоначальникомъ *познанія*, т. е. коллективнаго собиранія и обработки человѣческаго опыта въ понятіяхъ, а затѣмъ изъ словъ и понятій строились всѣ болѣе важныя культурныя образованія—нормы, доктрины и т. д.

Происхожденіе понятія изъ слова, „мышленія“ изъ рѣчи мы беремъ здѣсь прямо, какъ принятое научное воззрѣніе. Понятіе—это и есть слово, только въ ослабленномъ, неполномъ видѣ, лишенное своей оболочки звука; мышленіе — внутренняя рѣчь. Тожество рѣчи и мышленія обнаруживаетъ всецѣло соціальный характеръ духовной культуры, которая не можетъ существовать безъ ея внѣшняго выраженія въ человѣческомъ коллективѣ, и которая поэтому справедливо называется общественнымъ сознаніемъ людей. [1])

Итакъ, что заключали въ себѣ, что выражали тѣ слова — понятія, которыя впервые образовались въ незапамятныя эпохи и послужили зародышемъ идеологическаго міра? Они были обозначеніемъ коллективно-трудовыхъ дѣйствій.

Это были простыя, устойчивыя сочетанія звуковъ „(слова-корни“), которыми привычно сопровождались разные акты совмѣстной работы людей,—трудовые крики, нѣчто въ родѣ трудовыхъ пѣсенъ позднѣйшаго времени. Каждый такой крикъ являлся естественнымъ и для всѣхъ членовъ первобытнаго коллектива понятнымъ символомъ того дѣйствія, съ которымъ былъ связанъ. Онъ служилъ работникамъ прежде всего для того, чтобы ободрять другъ друга въ процессѣ труда (какъ, положимъ, „Дубинушка“ у нашихъ приволжскихъ крестьянъ), затѣмъ — чтобы поддерживать ритмическое соотвѣтствіе индивидуальныхъ дѣйствій (подобно тому, какъ звукъ „у-ухъ“ въ „Дубинушкѣ“ представляетъ сигналъ для мгновеннаго объединенія усилій); въ дальнѣйшемъ тѣ же звуки стали употребляться и въ качествѣ призыва къ рабо-

---

[1]) Связь рѣчи и мысли хорошо выясняется, напр., въ работахъ Макса Мюллера (на русскомъ языкѣ имѣется „Наука объ языкѣ,“ „Наука о мысли“ и др.).

Словесно „звуковая оболочка“ понятія, представляющая его „знакъ“, въ иныхъ случаяхъ замѣняется другими внѣшними актами, которые также способны служить средствами общенія людей: мимическіе жесты, изобразительныя движенія, лежащія въ основѣ пластическихъ искусствъ, выполненіе музыкальныхъ комбинацій, какъ способъ передачи эмоцій, затѣмъ письмо, и т. под. Слово—наиболѣе типичный и главный, преобладающій элементъ духовной культуры.

тамъ, въ родѣ повелительнаго наклоненія нашихъ глаголовъ. Всѣ эти основныя функціи, какъ видимъ, сводятся къ одному: первобытная рѣчь служитъ способомъ организовать совмѣстный трудъ членовъ первобытнаго коллектива. Идеологія въ своемъ зарожденіи выступаетъ какъ организующая форма соціально-трудовой жизни.

Сохраняется или измѣняется это практическое значеніе идеологіи, этотъ ея жизненный смыслъ, въ ея дальнѣйшемъ развитіи?

III.

Отъ языка доисторическихъ дикарей съ нѣсколькими десятками словъ-корней, трудовыхъ сигналовъ, достаточныхъ для ихъ несложной борьбы за существованіе, до языка нынѣшнихъ культурныхъ націй, заключающаго сотни тысячъ отдѣльныхъ обозначеній и почти безконечную возможность ихъ варіировать и усложнять—разстояніе, безспорно, громадное. Но присмотритесь внимательно, какую объективную роль играетъ все это колоссальное богатство формъ современной рѣчи, и вы всюду найдете въ основѣ ту же функцію — организовать соціальное бытіе людей.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакой надобности доказывать, какъ вещь очевидную для всякаго,—что вся гигантская система современнаго сотрудничества, распредѣленія, присвоенія, эта система, охватывающая десятки и сотни милліоновъ человѣческихъ единицъ, организуется при помощи словесныхъ символовъ. Путемъ словеснаго общенія, напр., „договора“ работника съ капиталистомъ, устанавливается мѣсто человѣка въ сферѣ производства, словесными указаніями опредѣляются размѣры, характеръ условія его труда, отношенія его къ другимъ работникамъ, и т. д. Посредствомъ „переговоровъ“ совершается каждый актъ мѣнового процесса, составляющаго душу современной экономической организаціи; всюду, гдѣ устанавливается какое-либо взаимоотношеніе собственности, соціальной силы, права и т. п., оно необходимо оформливается, опредѣляется, закрѣпляется, т. е. соціально

организуется путемъ его словеснаго выраженія, въ точныхъ схемахъ гибкой, развитой человѣческой рѣчи.

Конечно, идеологическая область языка шире непосредственно-трудового процесса и возникающихъ изъ него экономическихъ отношеній. Но возьмемъ явленіе въ самомъ общемъ его видѣ: одинъ человѣкъ, посредствомъ словъ или мимики или письма или какихъ угодно знаковъ сообщаетъ нѣчто другому человѣку. Спрашивается, что объективно при этомъ происходитъ, какое реальное жизненное измѣненіе? Очевидно, такое, что между этими двумя лицами создается нѣчто общее; это нѣчто, входившее до взятаго нами момента въ опытъ перваго, входитъ теперь также въ опытъ второго и, прямо или косвенно, вліяетъ отнынѣ на его дѣйствія. Слѣдовательно, при помощи этого акта первый приспособляетъ къ себѣ второго, вмѣстѣ съ его дѣйствіями. Но въ этомъ и состоитъ процессъ организаціи — въ приспособленіи однихъ жизненныхъ процессовъ къ другимъ. И если соціальная жизнь безконечно усложнилась, элементарныя трудовыя дѣйствія въ борьбѣ людей за существованіе смѣнились многообразно расчлененной системою труда, съ ея безчисленными экономическими соотношеніями, съ безчисленными идеологическими выраженіями и отраженіями,—то человѣческая рѣчь продолжаетъ и здѣсь выполнять прежнюю „культурную задачу“, только въ соотвѣтственно усложненномъ видѣ: задачу организаціи. [1])

Иначе ли обстоитъ дѣло съ другими, производными идеологическими формами — познаніемъ, искусствомъ, моралью и т. п.?

---

[1]) Иногда слово становится орудіемъ борьбы—угроза, полемика, брань и т. п.; это какъ-будто противорѣчитъ представленію объ его организующей функціи. Но стоитъ присмотрѣться ближе — и противорѣчіе исчезнетъ. Даже по отношенію къ противнику боевая функція слова есть въ то же время организующая по своей тенденціи: дѣло идетъ о томъ, чтобы заставить противника отказаться отъ какихъ-либо нежелательныхъ съ точки зрѣнія нападающаго дѣйствій, стремленій, идей,—т. е. привести его къ практическому или идейному согласованію съ нападающимъ. Но обыкновенно еще болѣе аггрессивная рѣчь направлена къ воздѣйствію на другихъ слушателей, зрителей борьбы, и стремится объединить ихъ на отрицательномъ отношеніи къ врагу, организовать поддержку съ ихъ стороны.

IV.

Познаніе заключается въ объединеніи, въ систематизаціи опыта посредствомъ понятій, т. е., въ сущности, посредствомъ словъ. На своихъ первыхъ стадіяхъ оно сводилось къ ничтожному числу простыхъ **техническихъ правилъ**, сохранявшихся среди родовой общины и выразившихъ обычные методы ея труда. Въ этой фазѣ его жизненная роль ясна до очевидности: оно организуетъ трудовую дѣятельность общины. Но современное познаніе въ милліоны разъ превосходитъ своей сложностью, богатствомъ содержанія, свою зародышевую форму. Оно охватываетъ самыя различныя области, и казалось бы, что, напр., абстрактно-научныя теоріи, или философскія идеи, нельзя даже сравнивать по ихъ жизненной функціи съ какими-нибудь соціально-практическими правилами; казалось бы, что теперь существуетъ самодовлѣющее, „чистое“ познаніе, которое вовсе не имѣетъ отношенія къ организаціи общественной жизни и дѣятельности. Разсмотримъ, однако, ближе связь познанія и жизни.

Современную технику крупно-капиталистическаго производства, машинную технику съ полнымъ основаніемъ называютъ научною. Это значитъ, что въ ней человѣческій трудъ въ своемъ примѣненіи къ силамъ и вещамъ внѣшней природы направляется и регулируется научными данными и выводами, т. е. организуется наукою. Такимъ образомъ въ этой сферѣ познаніе, какъ видимъ, сохранило свою прежнюю роль; и притомъ не только низшія, частныя понятія, но и самыя отвлеченныя, самыя общія, самыя далекія отъ конкретности явленій. Напр., какія идеи могутъ быть абстрактнѣе, „чище“, дальше отъ жизни, чѣмъ концепціи аналитической геометріи, интегральнаго счисленія, теоріи рядовъ и т. п.? и тѣмъ не менѣе онѣ руководятъ техникой въ организаціи огромной массы механическихъ и инженерныхъ работъ. Нельзя построить мостъ, большое зданіе, сколько-нибудь сложную машину, не выполнивши предварительно массу вычисленій при помощи этой, такъ называемой, высшей математики; иначе получится либо безплодная растрата матерьяловъ, либо—еще хуже—будетъ построено нѣчно негодное и опасное для людей. Какая наука можетъ казаться болѣе самодовлѣющей и безкорыстной, чѣмъ астрономія? а она, какъ авторитетный организаторъ, управ-

ляетъ мореплаваніемъ, географическими и топографическими работами, ея указанія часто необходимы и въ дѣлѣ проведенія дорогъ, и въ военномъ дѣлѣ, и въ земледѣліи, а до извѣстной степени и во всякомъ практическомъ дѣлѣ, потому что на ней основано измѣреніе времени—основа распредѣленія всякаго человѣческаго труда. Теорія свѣта представляется чистѣйшимъ удовлетвореніемъ человѣческой любознательности; между тѣмъ она находитъ широкое руководящее примѣненіе и въ сахарномъ, и во многихъ химическихъ производствахъ, и въ фотографическомъ дѣлѣ, и т. д. Примѣры можно приводить безъ конца. и всѣ они показываютъ одно: въ технической области познаніе всецѣло сохраняетъ свою первоначальную функцію, состоящую въ томъ, чтобы планомѣрно организовать общественно-трудовой процессъ.

При этомъ, такъ какъ само познаніе организовано и постоянно вновь организуется въ с и с т е м у, то было бы неправильно вырывать изъ него тотъ или иной клочекъ, и отдѣльно спрашивать: а какимъ способомъ организуетъ соціальную дѣятельность людей, положимъ, такая-то теорема дифференціальнаго счисленія, или такой-то выводъ теоріи электричества? Въ жизненной системѣ каждая часть служитъ для цѣлаго, и черезъ него, слѣдовательно, для той функціи, которую оно выполняетъ.

Это позволяетъ намъ понять объективную роль тѣхъ философскихъ, метафизическихъ, религіозныхъ концепцій, отношеніе которыхъ къ непосредственно-трудовой сферѣ жизни установить особенно трудно: какая-нибудь идея „субстанціи“, „чистаго бытія“, „верховнаго абсолюта“ и т. п. Ихъ назначеніе объективно состоитъ, или состояло въ томъ, чтобы стройно объединять, цѣлостно систематизировать, словомъ— организовать то или иное м і р о в о з з р ѣ н і е, которое въ себѣ суммируетъ обыденное и научное познаніе данной эпохи, даннаго класса,—познаніе, вмѣстѣ съ его практической ролью.

Если же отъ технически-трудового процесса мы обратимся къ другимъ областямъ соціальной жизни и борьбы, то организующее значеніе познавательныхъ системъ вообще, и религіозныхъ, метафизическихъ, философскихъ понятій въ особенности обнаружится для насъ еще очевиднѣе. Въ древнія времена религія была той связью, которая сплачивала, неразрывно объединяла общество въ его отдѣльности, въ его борьбѣ съ другими совромон

ему обществами, религіозное сознаніе было для племени, а затѣмъ для общества, и еще позже—для нарождавшихся классовъ, той всеобъемлющей организующей формою, которою опредѣлялись рамки совмѣстнаго дѣйствія, взаимной поддержки людей. [1]) Религія была постояннымъ *знаменемъ* общественныхъ группъ въ ихъ антагонизмахъ и конфликтахъ; а знамя, само по себѣ, не оружіе и не цѣль борьбы, это—организующій символъ для арміи. Съ такой точки зрѣнія для насъ будетъ вполнѣ понятно и естественно, что люди объединялись и жертвовали жизнью изъ-за вопроса о ὁμοούσιος или ὁμοιούσιος („единосущный“ или „подобосущный“), о написаніи Ісусъ или Iисусъ и т. п.: религіозная схема, иногда сравнительно даже случайная, организовала людей для защиты ихъ живыхъ интересовъ, и эта, впослѣдствіи отброшенная развитіемъ форма познанія, была имъ нужна, чтобы координировать ихъ дѣйствія, собирать и концентрировать ихъ силы, какъ дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ повелительный голосъ вождя-организатора.

Въ дальнѣйшемъ такую же роль стали выполнять *философскія* и научныя теоріи. Освободительно-индивидуалистическая философія, въ разныхъ ея видахъ, была жизненной руководительницей и знаменемъ прогрессивныхъ общественныхъ слоевъ отъ эпохи возрожденія до революцій XIX вѣка. Теорія Коперника не только обобщала астрономическій опытъ вѣковъ, но и группировала вокругъ себя людей, интересы которыхъ не мирились съ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ той эпохи и съ интересами его носителей, господствовавшихъ тогда классовъ. А въ наше время понятіе „научнаго соціализма“, соединяющее идею научнаго познанія съ лозунгомъ классовой организаціи, прекрасно раскрываетъ организующую функцію научной мысли.

Поставимъ вопросъ о реальномъ, объективномъ смыслѣ познанія въ самой общей его формѣ: что въ дѣйствительности происходитъ, когда *нѣчто познано*? Къ накопленной людьми суммѣ опыта прибавляется нѣкоторый новый опытъ, имѣющій значеніе не для одного какого-нибудь человѣка, но для всякаго, кому онъ будетъ „сообщенъ.“ Значитъ, отнынѣ этотъ новый

[1]) Слово „религія“ какъ разъ и соотвѣтствуетъ по своему основному значенію нашему слову „связь“; по крайней мѣрѣ, таково наиболѣе обычное истолкованіе, которое давалось ему филологами (лат. religare—связывать).

опытъ, во-первыхъ, передаваясь отъ одного члена коллектива къ другому, увеличиваетъ собою то общее жизненное содержаніе, которое ихъ сближаетъ, которое даетъ имъ общую опору въ жизни, увеличиваетъ ихъ взаимное пониманіе, а тѣмъ самымъ упрочиваетъ и облегчаетъ единство ихъ практическаго дѣйствія. Во-вторыхъ, этотъ новый опытъ долженъ „приниматься во вниманіе“ въ послѣдующей дѣятельности членовъ коллектива, трудовой, познавательной и всякой иной, съ которою онъ можетъ прійти въ соприкосновеніе; т.-е., послѣдующая дѣятельность, производственная и культурная, въ той или иной мѣрѣ уже будетъ имъ направляться, регулироваться, контролироваться. Но все это вмѣстѣ—объединеніе дѣятельности людей, ея регулированіе, контроль и т. под.,—все это и составляетъ процессъ ея организаціи.

Итакъ, усложнившись съ развитіемъ соціальнаго бытія людей, роль въ немъ познанія по существу не измѣнилась, и осталась организующей, какой она была съ самаго доисторическаго ея начала.

V.

Что касается искусства, то мѣсто, занимаемое имъ въ жизни людей, аналогично тому, какое занимаютъ въ ней рѣчь и познаніе, вмѣстѣ взятыя. Искусство является и орудіемъ общенія людей, и средствомъ собиранія, систематизаціи ихъ опыта. Его происхожденіе теряется такъ же глубоко въ прошломъ человѣчества, и тамъ сливается съ происхожденіемъ остальной идеологіи, всего же тѣснѣе связано съ первобытнымъ языкомъ и мимикой.

Поэзія еще на порогѣ историческихъ временъ не обособилась отъ познанія; религіозный миѳъ и эпосъ представляли главную его форму; въ дѣлѣ воспитанія людей они были тѣмъ самымъ, чѣмъ является въ наше время наука и философія. Магабгарата у индусовъ, поэмы Гомера у грековъ, библія у евреевъ были энциклопедіями жизни; онѣ знакомили человѣка съ его народомъ, какъ-бы вводили его въ жизнь роднаго коллектива, рисуя ему и человѣческія отношенія, и явленія природы такъ, какъ ихъ не-

реяшивало и понимало его общество. Когда Гезіодъ писалъ свои поэмы, изъ которыхъ одну—„Теогонію“—мы назвали бы учебникомъ миѳологіи, а другую—„Труды и дни“—учебникомъ сельскохозяйственной техники, то онъ и здѣсь, и тамъ въ одинаковой мѣрѣ оставался вѣренъ задачѣ поэта, какъ она представлялась людямъ еще въ его эпоху.

Впослѣдствіи поэзія принуждена была большую часть своего познавательнаго значенія уступить наукѣ и философіи. Но все-же она въ значительной мѣрѣ продолжаетъ быть учительницей жизни, а особенно—воспитательницей чувства людей. Внося въ души различныхъ людей общность воспріятія жизни и общность настроенія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, она неизмѣнно выполняетъ свою организующую роль въ соціальной системѣ.

Танцы и музыка съ самаго начала были спеціально выраженіемъ чувства и настроенія, своеобразнымъ „языкомъ эмоцій.“ Въ жизни сохранившихся до нашего времени племенъ родового и ранняго феодальнаго быта они играютъ еще очень значительную и вполнѣ опредѣленную практическую роль. Передъ выступленіемъ на войну, на большую охоту, передъ племеннымъ собраніемъ для обсужденія важныхъ дѣлъ, передъ всякимъ крупнымъ общественнымъ предпріятіемъ они постоянно выступаютъ на сцену, при чемъ выполняются въ традиціонныхъ, вѣками сложившихся формахъ, какъ необходимыя священнодѣйствія. Характеръ ихъ, для каждаго рода случая особый, таковъ, что они должны создавать въ участникахъ единое, общее настроеніе, наиболѣе подходящее къ цѣлесообразному, дружному выполненію предпринимаемаго дѣла: военные танцы подражаютъ разнымъ перипетіямъ войны, воспроизводя ихъ въ идеализированномъ видѣ, а сопровождающая ихъ музыка бурная, боевая; „танцы совѣта“ и соотвѣтственная имъ музыка обыкновенно серьезные, плавные, важные, и т. д. Это—предварительная организація дѣйствующихъ силъ коллектива для намѣченной имъ работы.

Въ дальнѣйшемъ развитіи танцы утрачиваютъ эту прозрачную опредѣленность ихъ функціи, какъ и большую долю своего идеологическаго значенія. Мы ихъ знаемъ почти уже исключительно какъ „средства развлеченія“. Они, однако, вполнѣ сохранили свой открыто-соціальный характеръ. Создавая единство настроенія, они способствуютъ психическому сближенію людей, и

это ихъ свойство, сознательно или безсознательно, продолжаетъ эксплуатироваться, въ особенности для подготовки семейной связи между молодыми людьми брачнаго возраста. Даже въ пріятномъ возбужденіи, вызываемомъ танцами, существеннымъ моментомъ является соціальное единеніе людей въ ихъ физической активности.[1]) Вообще, оставаясь однимъ изъ видовъ идеализированнаго языка эмоцій, танцы обладаютъ и организующей функціей, подобно языку, только, разумѣется, очень ослабленной количественно.

Въ гораздо большей степени то же самое относится къ искусству музыки. Ея родство съ танцами совершенно такое же, какъ родство рѣчи съ мимикой. Музыка представляетъ въ наше время сложный и высоко-развитый языкъ эмоціи, благодаря этому она удержала въ значительной мѣрѣ и непосредственно-организующую роль, очевидную для всякаго, въ формѣ, напр., трудовой пѣсни и марша. Цѣлый рядъ миѳовъ о волшебной музыкѣ и пѣсняхъ, которымъ подчиняются силы стихій и людей, идеально выражаетъ это значеніе искусства гармоніи и мелодіи для борьбы съ природою, для побѣды надъ нею.[2]) Не случайно нѣкоторые мыслители-идеалисты (особенно Шопенгауэръ) ставили музыку въ прямую связь съ міромъ „идей“, т. е. высшихъ организующихъ формъ бытія, по ихъ понятіямъ.[3]) Отбросивъ метафизи-

[1]) Бюхеръ въ книгѣ „Работа и ритмъ“ (русск. изд. 1869, стр. 88) отмѣчаетъ, что уже грекамъ была хорошо извѣстна соціализирующая сторона пѣнія и танцевъ. Онъ цитируетъ мнѣніе Платона о ритмѣ: посредствомъ удовольствія, связаннаго съ ритмомъ, боги возбудили въ людяхъ склонность къ движенію и пляскамъ, и посредствомъ пѣнія и танцевъ связали людей между собою.

Другое аналогичное мѣсто изъ Платона („Протагоръ“)—„Какъ ритмъ, такъ и гармонію заставляютъ усваивать мальчиковъ, чтобы они были болѣе кроткими и, научаясь соблюдать тактъ, были бы полезны какъ словомъ, такъ и дѣломъ, потому что жизнь людей нуждается въ гармоніи и согласіи.“

Военные успѣхи лакедемонянъ—говоритъ Бюхеръ—приписывались во многомъ дисциплинѣ, достигнутой юношествомъ вслѣдствіе упражненій въ пляскахъ.

[2]) Напомню только преданіе финскаго и эстонскаго эпоса о Вейнемейненѣ, творящемъ и строящемъ посредствомъ пѣсенъ,—греческій миѳъ о музыкѣ, подъ звуки которой камни сами складывались въ городскія стѣны,—и еврейскій о разрушеніи стѣнъ звуками военной музыки.

[3]) Кантъ считалъ музыку безполезнымъ шумомъ: онъ, повидимому, просто не понималъ ея. Всякій незнакомый языкъ первоначально воспринимался людьми, какъ безполезный шумъ; уловить его организующую функцію можно лишь тогда, когда его понимаешь.

ческую оболочку и преувеличеніе, мы получимъ изъ этого то, что есть на самомъ дѣлѣ: музыка—одна изъ организующихъ формъ соціальнаго бытія.

Скульптура, живопись, архитектура, дѣйствуя другими средствами, достигаютъ по существу тѣхъ же цѣлей, какъ поэзія съ одной стороны, музыка—съ другой. Художественные пластическіе образы, подобно понятіямъ, концентрируютъ, закрѣпляютъ человѣческій опытъ и передаютъ его коллективу. Миѳъ о божествѣ и его статуя, бытовой очеркъ и жанровая картина, живой разсказъ о минувшихъ побѣдахъ и колонны, арки, памятники, воздвигнутые по поводу ихъ—могутъ быть вполнѣ параллельны по содержанію, различаясь лишь способомъ символизаціи. Мировые типы въ скульптурѣ и живописи, подобно міровымъ типамъ въ поэзіи, охватываютъ не меньшую сумму дѣйствительнаго и важнаго для жизни, чѣмъ высшія концепціи философіи, чѣмъ высшія обобщенія науки. Идеалъ жизни полной и могучей, гармоничной и всепобѣждающей, выраженъ въ скульптурѣ античнаго міра, въ статуяхъ его боговъ, ярче и, быть можетъ, глубже, чѣмъ въ философіи „сверхчеловѣка“ у Ницше. Великія культурныя идеи ясѣхъ нагляднѣе, всего цѣлостнѣе, всего убѣдительнѣе выступаютъ именно въ пластическихъ и живописныхъ образахъ.

Но тѣ же искусства не менѣе способны организовать коллективныя чувства и настроенія. Цѣлая область живописи—ландшафтъ—по содержанію вполнѣ параллельна музыкѣ и лирической поэзіи. Архитектура же вообще можетъ разсматриваться, какъ языкъ длительныхъ и глубокихъ коллективныхъ настроеній по преимуществу. Развѣ архитектура гигантскихъ сооруженій императорскаго Рима не есть сплошное каменное выраженіе національной гордости властителей міра? И развѣ готическій храмъ не представляетъ вѣковой каменный призывъ къ отрѣшенію отъ всего земного? Отсюда—огромное воспитательное значеніе архитектуры: она воплощаетъ, и закрѣпляетъ, и непрерывно передаетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію преобладающія соціальныя эмоціи народовъ и классовъ; она организуетъ чувства потомковъ въ соотвѣтствіи съ переживаньями ихъ предковъ,—больше всякаго другого искусства она—хранительница организующей традиціи.

Какъ видимъ, универсальный смыслъ искусства—его культур-

ная задача—тотъ же, какой составляетъ соціальную душу познанія и рѣчи: организація, сплоченіе коллективовъ различныхъ ступеней и типовъ путемъ объединенія человѣческихъ переживаній, путемъ оформленія опыта и чувства людей.

VI.

Обширнѣйшая въ наше время культурная область—міръ нормъ—имѣла своимъ зародышемъ стихійный о б ы ч а й. Первоначально обычай являлся просто жизненной привычкой, выработанной въ борьбѣ людей за существованіе, и непрерывно сохранявшейся въ родовомъ обществѣ при помощи воспитанія и подражанія. Тогда онъ, охватывая всю жизнь людей, и былъ, собственно, не нормой, выраженной въ словахъ и понятіяхъ, указывающей, какъ, „должно“ дѣйствовать, жить, думать,—а непосредственнымъ фактомъ. Идея долженствованія—отличительный признакъ нормъ—не можетъ возникнуть, пока нѣтъ мысли о возможности уклоненія отъ привычнаго хода жизни. Когда же усложненіе трудового процесса и возрастающая измѣнчивость человѣческой организаціи дѣлаютъ подобныя уклоненія событіемъ не столь исключительнымъ и не столь непонятнымъ для коллектива, какъ было вначалѣ, тогда и борьба противъ нихъ со стороны коллектива систематизируется посредствомъ нормы. Схемы—„не должно поступать такъ-то“ и „должно дѣйствовать такъ-то“—выражаютъ сложившееся направленіе соціальной активности, и передаваясь отъ человѣка къ человѣку, отъ отцовъ къ дѣтямъ, въ дальнѣйшемъ регулируютъ эту активность, управляютъ ею, организуютъ ее въ данномъ направленіи. Напр. „не должно покидать родичей во время битвы съ врагомъ; поступающаго же такимъ образомъ слѣдуетъ изгнать изъ общины“,—эта норма сразу объединяетъ всю общину въ ея воздѣйствіи на человѣка, обнаружившаго недостатокъ необходимой храбрости,—и обычай организуетъ тогда коллективный актъ устраненія негоднаго члена, какъ сдѣлалъ бы это впослѣдствіи властный организаторъ своимъ распоряженіемъ.

Впослѣдствіи хранителемъ и истолкователемъ обычая становится именно такой организаторъ—патріархъ родовой группы, а еще

позже—феодальный властитель или жрецъ. Тогда обычай принимаетъ ту форму, которую соціологи называютъ „обычнымъ правомъ“: обычай, имѣющій своимъ органомъ власть, которая правитъ обществомъ. Это, однако, отнюдь не означаетъ полнаго отказа со стороны самого общества въ его цѣломъ отъ непосредственной защиты обычая, отъ непосреднаго воздѣйствія на его нарушителей; но защита практическая, боевая, напр., физическое наказаніе преступника, организуется обязательно властью; а для коллектива самого по себѣ остаются иные способы воздѣйствія, словесно-идейные, т.-е. общественное порицаніе, негодованіе, презрѣніе и т. под.,—то, что мы называемъ „нравственнымъ“ вліяніемъ. Такъ начинала изъ обычая дифференцироваться нравственность; но вполнѣ обособилась она лишь на слѣдующихъ ступеняхъ развитія, въ обществѣ мѣновомъ.

Неорганизованность мѣновой соціальной системы, ея постоянно умножающіяся противорѣчія, порождали усиленную потребность въ нормахъ, регулирующихъ эти противорѣчія, организующихъ взаимныя отношенія людей. Обычай, съ его медленнымъ развитіемъ и крайнимъ консерватизмомъ, не могъ удовлетворить такой потребности при чрезвычайно, по сравненію съ прежнимъ, ускоренномъ движеніи общественной жизни. Возникаетъ новый типъ нормъ—правовыя; онѣ отличаются тѣмъ, что не только приводятся въ исполненіе черезъ особые общественные органы—разнаго рода власти,—но также и планомѣрно создаются при посредствѣ такихъ органовъ, систематически вырабатываются ими для общества: законы, указы, административныя правила и т. д.

Въ то же время окончательно выдѣляется область нравственныхъ нормъ. Общество мѣновое лишено сплоченности древнихъ коллективовъ, индивидуалистически раздроблено на независимыя хозяйства; и все же оно въ его цѣломъ, или его отдѣльные классы продолжаютъ сохранять и защищать силою коллективнаго мнѣнія нѣкоторыя общія формы взаимоотношеній, особенно устойчивыя, которыя они лишь со стихійной медленностью, незамѣтно для себя самого, измѣняютъ или замѣщаютъ новыми. Носителемъ этихъ нормъ является по-прежнему коллективъ; а онъ при формальной раздробленности общества недоступенъ сознанію индивидуума, который среди всеобщей борьбы и противорѣчій видитъ всюду лишь отдѣльныя хозяйства и отдѣльные личные интересы; благодаря

этому нравственная норма не можетъ быть отнесена людьми прямо къ тому коллективу, жизнь котораго она организуетъ. Но она не можетъ также быть отнесена и къ обособленной личности, потому что личность принуждена её подчиняться или страдать отъ ея нарушенія, и зачастую находитъ прямое противорѣчіе между этой нормою и своими ясно сознанными интересами. Въ результатѣ—норма представляется людямъ, какъ внѣшняя сила, тяготѣющая надъ ними и отъ нихъ совершенно независимая. Отраженіе нормы въ индивидуумѣ—„голосъ совѣсти"—разсматривается какъ внушеніе со стороны этой внѣшней силы, руководящей человѣкомъ. Такова нравственность; ея практически-организующая отношенія людей функція познается фетишистически, и это маскируетъ ея истинную „культурную задачу".

Тотъ же фетишизмъ, впрочемъ, свойственъ и правовымъ нормамъ;—при этомъ болѣе мелкимъ и частнымъ изъ нихъ, открыто для всѣхъ создаваемымъ спеціальными органами, онъ, естественно, присущъ въ гораздо меньшей степени,—общимъ же основамъ права—въ гораздо большей, приблизительно такой, какъ нравственнымъ принципамъ. И источникъ его тотъ же самый: эти основы стихійно и безсознательно вырабатываются коллективомъ обще-соціальнымъ или классовымъ, недоступнымъ мышленію личности,—а частныя правовыя нормы подчиняются общимъ, какъ организующимъ жизнь коллектива во всей ея широтѣ.

Наименьшимъ объективнымъ значеніемъ обладаютъ нормы приличія, вѣжливости, моды и т. п. Это — своего рода мелкая нравственность внѣшнихъ манеръ и наружности людей; она и фетишистична, какъ настоящая нравственность, и такъ же стихійно охраняется коллективомъ; классовымъ или групповымъ, посредствомъ его общественнаго мнѣнія. Назначеніе подобныхъ нормъ состоитъ въ томъ, чтобы организовать обыденное общеніе людей съ наименьшими треніями, съ наименьшими противорѣчіями—вещь особенно важная въ эпоху крайняго разнообразія спеціальностей, интересовъ и наклонностей. Условныя манеры и условная внѣшность, объединяя разнородные въ другихъ отношеніяхъ элементы, создаютъ нѣкоторое предварительное настроеніе для ихъ взаимнаго вниманія и взаимнаго пониманія.

Вся нормативная область культуры отличается, какъ видимъ, особенной ясностью и несомнѣнностью своего объективнаго со-

ціальнаго значенія. Самое понятіе „нормы“ говоритъ о регулированіи, т. е. организующей дѣятельности. Нѣкоторое затемненіе вносится только фетишизмомъ нормъ; однако и онъ маскируетъ главнымъ образомъ ихъ происхожденіе, а не ихъ жизненную роль.

VII.

Противъ изложеннаго здѣсь—по необходимости сжато—пониманія духовной культуры возможны два основныхъ возраженія. Первое состоитъ въ томъ, что нельзя культурныя формы разсматривать всецѣло какъ организующія соціальную жизнь, потому что на практикѣ онѣ обнаруживаютъ нерѣдко и прямо противоположную функцію—дезорганизующую. Сущность второго возраженія та, что духовная культура, во всякомъ случаѣ, не только организуетъ жизнь людей, что ея значеніе шире—она также украшаетъ жизнь. Оба возраженія имѣютъ за собою извѣстную сумму фактовъ, но основаны на недостаточномъ ихъ анализѣ.

Совершенно безспорно, что, напр., капиталистическая городская культура разлагаетъ старую семью, дезорганизуетъ старыя корпораціи цехового типа, разрываетъ многія, прежде весьма прочныя связи между соціальными группами. Не менѣе безспорно и то, что, напр., католицизмъ—крупнѣйшее культурное явленіе—былъ въ эпоху своего упадка величайшей разрушительной силой въ жизни общества, и въ нѣкоторыхъ странахъ глубоко дезорганизовалъ производительныя силы. Но какимъ образомъ и могли бы новыя культурныя формы организовать общество, не различая старыхъ формъ, въ которыхъ оно было организовано? И какимъ образомъ старыя, отживающія культурныя формы могутъ сохранять и поддерживать свою организующую роль, какъ не разрушая и не дезорганизуя развивающіяся новыя формы жизни? Это—элементарная логика жизни. Если „разумное стало нелѣпымъ, и благо во зло обратилось“, т.-е. организація перешла въ дезорганизацію, то понять происхожденіе и смыслъ обѣихъ стадій явленія можно только исходя изъ его первоначальной, положительной функціи, потому что только благодаря ей оно

вообще могло развиться. Такъ и въ біологіи объяснить генезисъ какого-нибудь ненужнаго или даже вреднаго организму „рудиментарнаго“ органа, атавистическаго инстинкта удается только тогда, когда найдено его прежнее, полезное значеніе въ борьбѣ за жизнь.

Другая точка зрѣнія: духовная культура украшаетъ и возвышаетъ жизнь,—отнюдь сама по себѣ не противорѣчитъ дѣйствительности, но также и не объясняетъ ея. Безспорно, все, что вноситъ въ соціальную жизнь гармонію, стройность, что связываетъ разрозненные элементы — все это также ее украшаетъ и возвышаетъ. Но развитіе духовной культуры—процессъ тяжелый и длительный, глубоко преобразующій человѣческое существованіе—можетъ опредѣляться лишь объективными условіями жизненно-важнаго характера. Слѣдовательно, изъ „украшеній“ жизни сохраняются и развиваются тѣ, которыя укрѣпляютъ ее и усиливаютъ въ какихъ-либо отношеніяхъ; а она укрѣпляется и усиливается тогда, когда ея элементы организуются шире и прочнѣе *).

Не такъ давно однимъ или двумя критиками противъ всего защищаемаго мною міропониманія былъ выдвинутъ упрекъ въ односторонности, а именно въ пристрастіи къ „организаціи“: у Богданова—говорятъ эти критики,—вѣчно кто-то что-то организуетъ, или что-нибудь организуется. И дѣйствительно, сущность эмпиріомонизма состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать **всѣ явленія міра**, какъ процессы организаціи — дезорганизаціи. У насъ здѣсь нѣтъ мѣста для выясненія того, односторонняя ли эта точка зрѣнія, или напротивъ, эклектично и дуалистично ея отрицаніе. Но по отношенію ко всей **области жизни** ея законность и обязательность безспорна—на ней основана и вся современная біологическая теорія развитія, и соціально-научная. Поэтому безспорна также ея примѣнимость къ явленіямъ „духовно-культурной“, идеологической жизни.

---

*) Не случайно греческій языкъ—языкъ великой философіи—обозначаетъ понятія „украшать“ и „организовать“ однимъ и тѣмъ же словомъ *Κοσμεῖν*. Украшающее творчество, конечно, **не создаетъ** новыхъ элементовъ бытія, а лишь гармонически, стройно группируетъ уже раньше данные элементы. И „красивое“ художественное произведеніе, по существу, есть организованное сочетаніе образовъ, притомъ являющееся такимъ не для одного человѣка, а для нѣкоторой коллективности.

VIII.

Мы знаемъ, что современное общество заключаетъ въ себѣ историческія наслоенія трехъ классовыхъ типовъ: отживающіе классы феодальные; преобладающіе—почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ—классы буржуазные; наконецъ, растущій въ непрерывной борьбѣ съ тѣми и другими рабочій пролетаріатъ. Далѣе, намъ извѣстно, что въ классовомъ обществѣ вопросы культурнаго прогресса не могутъ ставиться съ точки зрѣнія соціальной системы въ цѣломъ, потому что у нея нѣтъ культурнаго единства, потому что тенденціи культурнаго развитія для различныхъ ея классовъ несходны и противорѣчивы; а слѣдовательно, вопросы эти должны рѣшаться именно по отношенію къ соціальнымъ классамъ, какъ отдѣльнымъ жизненнымъ единствамъ. Теперь же мы раскрыли практическую сущность духовной культуры, какъ системы соціально-организующихъ формъ: въ этомъ, очевидно, лежитъ и объясненіе различія культурно-классовыхъ тенденцій: естественно и понятно, что коллективы, различные по всей совокупности условій своего существованія, равно какъ и по своимъ интересамъ, по своимъ стремленіямъ, нуждаются для своей организаціи въ несходныхъ формахъ культуры. Попробуйте, напр., представить себѣ пролетаріатъ машиннаго производства организованнымъ на основѣ наивно-религіознаго міровоззрѣнія старыхъ феодальныхъ формацій, или на основѣ буржуазной доктрины о свободной конкурренціи личностей: объединеніе было бы никуда негоднымъ, потому что его связующая форма непрерывно подрывалась бы и разрушалась въ первомъ случаѣ вліяніемъ научной техники ежедневнаго труда, во второмъ случаѣ — потребностями ежедневной экономической борьбы. Не всегда, конечно, соотношеніе культурной формы съ практическимъ содержаніемъ такъ просто и ясно, какъ въ этомъ примѣрѣ, — но при достаточномъ анализѣ оно всегда можетъ быть обнаружено, какъ реальное соотвѣтствіе или противорѣчіе.

Намъ надо изслѣдовать культурныя задачи нашего времени. Должны ли мы для этого становиться на точку зрѣнія поочередно каждаго изъ существующихъ классовъ, считая, что у каждаго изъ нихъ есть особыя такія задачи? Или онѣ на дѣлѣ концентрируются въ одномъ какомъ нибудь классѣ? Первая постановка вопроса

сначала кажется наиболѣе логичной и объективной. Но необходима ли она, со всей ея сложностью?

Безспорно, что и классы отживающіе, каковы теперь остатки феодальной аристократіи, а также феодальнаго крестьянства, отчасти мелкихъ ремесленниковъ, живутъ своею особой культурной жизнью, разрѣшая въ этой области, сознательно или нѣтъ, свои отдѣльныя задачи, организуясь для *своей* соціальной борьбы. Но самая эта борьба реакціонна: смыслъ ея состоитъ въ томъ, чтобы удержать и по возможности даже вернуть соціальное прошлое, противодѣйствуя укрѣпленію тѣхъ общественныхъ силъ и формъ, которымъ принадлежитъ настоящее, и, разумѣется, еще болѣе тѣхъ, за которыми будущее. Возстановленіе древляго благочестія и вѣры въ авторитеты, обузданіе дерзкой мысли, реставрація абсолютизма и т. под.,—таковы культурныя цѣли реакціонныхъ классовъ. Но будетъ ли правильно назвать ихъ задачами *нашей эпохи*? Очевидно, нѣтъ. Онѣ противоположны всему историческому развитію нашего времени.

Хорошо,—скажетъ читатель,—я согласенъ, что культурныя, или, пожалуй, анти-культурныя поползновенія отживающихъ элементовъ не входятъ въ нашъ сюжетъ. Но тогда надо признать, что задачи нашей эпохи — это задачи господствующихъ теперь классовъ, т.-е., говоря вообще, капиталистической буржуазіи; ибо она больше, чѣмъ кто-либо, представляетъ собою настоящее.

Такъ ли это? Въ историческомъ процессѣ настоящее, взятое не какъ моментъ, а какъ система преобладающихъ силъ и формъ, имѣетъ всегда двѣ стороны: одна обращена противъ остатковъ прошлаго, другая—противъ зародышей будущаго. Таковы и культурныя тенденціи господствующихъ классовъ. Они должны организоваться, съ одной стороны, для того, чтобы подавлять и разрушать враждебные имъ пережитки прошлаго, съ другой стороны—чтобы отстаивать себя въ столкновеніяхъ съ растущими элементами будущаго, поскольку эти послѣдніе въ свою очередь стремятся къ господству. Изъ двухъ линій борьбы первая прогрессивна, скорѣе, однако, въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ значеніи слова,— она сводится къ устраненію препятствій на пути развитія. На такой основѣ не можетъ уже возникнуть новыхъ культурныхъ задачъ широкаго обще-соціальнаго масштаба: главныя побѣды буржуазной культуры надъ феодальною одержаны,

ихъ историческій конфликтъ разрѣшенъ въ его цѣломъ, остаются частности,—да и по отношенію къ нимъ исходъ спора заранѣе не допускаетъ сомнѣній. Борьба противъ клерикализма, противъ юнкерства, въ отсталыхъ странахъ—также и противъ абсолютизма—для всего этого давно выработаны идеологическія формы, новыхъ принциповъ духовной культуры все это дать не можетъ.

Другая линія борьбы, по мѣрѣ развитія новой соціальной силы, угрожающей буржуазному строю, все болѣе превращается изъ консервативной въ рѣзко реакціонную. Здѣсь буржуазія либо только отстаиваетъ свои сложившіеся культурные принципы, либо даже старается поддержать ихъ противоестественнымъ союзомъ съ принципами отжившей феодальной культуры, напр., беретъ себѣ на службу клерикализмъ и, будучи по существу безрелигіозна, употребляетъ всѣ усилія для пробужденія и сохраненія благочестивыхъ чувствъ и мыслей среди рабочей массы. Ясно, что по этой линіи нельзя прійти къ великимъ культурно-историческимъ задачамъ эпохи, разрѣшеніе которыхъ означаетъ завоеваніе будущаго.

IX.

Читатель, можетъ быть, поставитъ еще вопросъ о тѣхъ промежуточныхъ слояхъ современнаго общества, которые у насъ обозначаются неопредѣленнымъ терминомъ „интеллигенція“, и охватываютъ съ одной стороны представителей формально-независимыхъ „либеральныхъ профессій“ (врачи, адвокаты, литераторы), съ другой стороны наемный научно-техническій и просто „образованный“ служащій персоналъ предпріятій промышленныхъ, государственныхъ, академическихъ, журнальныхъ и т. под. (инженеры, бухгалтеры, директора, профессора, чиновники, газетные репортеры и т. д.). Въ самомъ дѣлѣ, представители именно этихъ группъ очень часто выражаютъ отъ ихъ имени притязанія быть по преимуществу творцами и носителями культуры, притомъ не какой нибудь классовой, а стоящей надъ классами, обще-соціальной.

Но какъ разъ эти притязанія легко обнаруживаютъ ту культурную несамостоятельность „интеллигентскихъ“ слоевъ, которая

неизбѣжно вытекаетъ изъ ихъ экономической неопредѣленности. Если сущность духовной культуры состоитъ въ организаціи соціальныхъ силъ, и если современное общество характеризуется группировкою этихъ силъ въ борющіеся классы, то что же означаетъ „внѣ-классовое творчество“ интеллигенціи? Очевидно, только то, что она неспособна создать свою особенную классовую организацію, неспособна противопоставить ее другимъ, какъ независимый коллективъ съ опредѣленными интересами и стремленіями.

Да и можетъ ли быть иначе? Посмотрите, какова роль интеллигенціи въ системѣ общественнаго труда и распредѣленія. Верхніе слои, которые такъ и называются у насъ „буржуазной интеллигенціей“, живутъ почти всецѣло въ сферѣ буржуазно-классовыхъ отношеній, тѣсно связанные съ буржуазіей нитями практическихъ выгодъ. Типъ работы у нихъ индивидуалистическій; положеніе въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ они служатъ, организаторское, властное; доходы не имѣютъ ничего общаго съ пролетарской заработной платой, и очень часто допускаютъ даже накопленіе капитала. Къ этому обыкновенно присоединяется и буржуазное происхожденіе, и постоянное общеніе съ буржуазіей: интеллигентскіе верхи допускаются въ такъ называемое „общество“. Какія тутъ возможны самостоятельныя соціальныя задачи? Откуда возьмется потребность въ независимой, обособленной классовой организаціи?

Нижніе слои интеллигенціи сначала составляютъ часть мелкой буржуазіи, постепенно подавляемой и вытѣсняемой крупнымъ капиталомъ. Къ ней они принадлежатъ, обычно, и по своему происхожденію, и по типу хозяйства: мелкое, индивидуальное предпріятіе, обладающее формальной самостоятельностью, но все болѣе экономически-подчиняющееся торговому капиталу, переходящее въ „домашнюю капиталистическую промышленность“; тотъ же, приблизительно, и уровень жизни: ихъ заработокъ рѣдко выходитъ за предѣлы насущныхъ потребностей, и мало-по-малу урѣзывается еще ниже ихъ эксплуатаціей со стороны того же торговаго капитала. Чѣмъ, напр., экономически отличается кустарь-литераторъ, работающій на издателя, который закабаляетъ его авансами, и предъявляетъ ему руководящія требованія о томъ, что ему писать, отъ кустаря-слесаря или ткача, работающаго на

скупщика, который закабаляетъ его выданнымъ въ долгъ матеріаломъ для работы, деньгами на пропитаніе, и предписываетъ ему, какого качества и въ какомъ количествѣ долженъ быть его продуктъ? Естественно, что на этой стадіи интеллигентскіе низы живутъ мелко-буржуазной культурной жизнью, поставляютъ идеологовъ этому классу, обреченному на медленную, но неизбѣжную гибель.

Съ теченіемъ времени все болѣе значительная часть мелкой интеллигенціи занимаетъ положеніе наемнаго интеллигентнаго пролетаріата въ капиталистически-организованныхъ предпріятіяхъ —конторщики, младшіе техники, желѣзно-дорожные, почтовые „служащіе“ и т. д.; другая же часть попадаетъ въ болѣе явную, чѣмъ прежде, зависимость отъ низшихъ формъ капитала — торговаго и ростовщическаго. Тогда начинаетъ проявляться среди мелкой интеллигенціи тяготѣніе въ сторону рабочаго класса, распространеніе соціализма, большей частью, впрочемъ, умѣреннаго и съ сильной индивидуалистическою окраской. Элементы болѣе рѣшительные вступаютъ прямо въ рабочія организаціи, проникаются пролетарскими тенденціями, принимаютъ участіе въ работѣ надъ сплоченіемъ этого класса, надъ развитіемъ его самосознанія, т. е. его культуры.

Какъ видимъ, промежуточныя интеллигентскія группы общества идеологически работаютъ не на себя, а на другихъ, и значитъ, никакъ не могутъ явиться опредѣляющей силою для культурныхъ задачъ эпохи [1]).

Путемъ исключенія, мы приходимъ къ выводу, что дѣйстви-

---

[1]) Разумѣется, интеллигенція создаетъ и свои собственныя организаціи— политическія, идейныя, артистическія и т. п. Такъ, чисто интеллигентской была во Франціи 40-хъ годовъ либеральная фракція „National'я“; въ современной Франціи, повидимому, такова „радикально-соціалистическая“; у насъ въ Россіи „народоправцы“ 90-хъ годовъ и „освобожденцы“ 900-хъ; организацій же собственно „культурныхъ“ подобнаго происхожденія очень много. Въ ходѣ борьбы реальныхъ классовыхъ силъ, при ихъ приблизительномъ равновѣсіи, промежуточныя группы и ихъ организаціи временно получаютъ даже значительное вліяніе. Но все это—явленія преходящія; а главное, и тогда культурныя тенденціи данныхъ группъ остаются промежуточными, компромиссными, отнюдь не самостоятельно опредѣляющими, а лишь косвенно и неполно выражающими культурныя задачи эпохи, въ ихъ обще-соціальномъ смыслѣ и масштабѣ.

тельныхъ культурныхъ задачъ настоящаго надо искать въ жизненныхъ потребностяхъ того класса, побѣда котораго предстоитъ въ будущемъ,—того класса, который среди современнаго общества наиболѣе прогрессивенъ, и безусловно прогрессивенъ въ своихъ тенденціяхъ. Оказалось, что дѣло идетъ о принципахъ развитія пролетарской культуры.

X.

Та постановка вопроса, которая у насъ получилась, вызываетъ противъ себя съ разныхъ сторонъ множество возраженій; иныя изъ нихъ по внѣшности очень убѣдительны, и мы не можемъ обойти ихъ безъ вниманія.

Нѣкоторымъ кажется несообразностью самая идея пролетарской культуры. Первымъ, необходимымъ условіемъ серьезнаго культурнаго творчества является, — говорятъ они, — досугъ; вторымъ—достатокъ. Поглощающій силы и время физическій трудъ, нужда и матеріальныя заботы исключаютъ возможность такого творчества. Кто создалъ культуру античнаго міра,—рабы или господа? А средневѣковую—крестьяне или духовенство и феодалы? И развѣ нынѣшній пролетарій находится въ такомъ положеніи, которое позволяло бы мечтать о самостоятельной культурѣ?— Сторонники этого взгляда, въ большинствѣ своемъ—враги современнаго рабочаго движенія, обыкновенно не забываютъ указать, что ученія соціализма, которыми увлекаются теперь активные пролетаріи, формулированы людьми изъ другихъ классовъ, интеллигентами и дѣтьми буржуазіи, какъ Марксъ, Лассаль, Энгельсъ; выводъ, конечно, тотъ, что соціализмъ—не что иное какъ интеллигентскія выдумки, которымъ рабочіе совершенно напрасно вѣрятъ.

Подобные взгляды—какъ ни странно — находятъ нѣкоторый откликъ и среди людей, сочувствующихъ рабочему классу, отчасти даже тѣхъ, которые принимаютъ участіе въ его организаціяхъ. Высказываютъ мнѣніе, что пролетаріатъ въ нынѣшнемъ обществѣ не долженъ ставить себѣ особенныхъ, своихъ общекультурныхъ задачъ: это только отвлечетъ его силы и вниманіе отъ наиболѣе

насущнаго дѣла. Ему надо какъ можно энергичнѣе бороться и какъ можно скорѣе побѣдить; слѣдовательно, требуется ясная политическая и экономическая доктрина, твердо установленная, прямо бьющая въ цѣль, способная сплотить вокругъ себя рабочія массы. Такая доктрина имѣется въ видѣ марксизма; остается только разрабатывать ее и примѣнять къ измѣняющимся условіямъ борьбы. Всякое усложненіе задачи только затрудняетъ дѣло, и даже подвергаетъ его опасности: оно угрожаетъ уклоненіемъ въ сторону критики самыхъ основъ марксистской теоріи, ея подрывомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подрывомъ столь важнаго для практики теоретическаго единства рабочаго движенія.

Но другія области культурнаго развитія? Развѣ не нужна борьба, напр., съ тѣми религіозными и метафизическими идеями, которыя стараются въ своихъ интересахъ привить пролетаріату господствующіе классы? Разумѣется, нужна,—отвѣчаютъ сторонники взглядовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Поэтому, какъ завершеніе теоретическаго зданія марксизма, необходима и философія, которая охраняла бы пролетаріатъ отъ всякой мистики, отъ всякаго идеализма. И опять-таки, философія эта имѣется,—это діалектическій матеріализмъ; остается только примѣнять ее и популяризировать, но тщательно охраняя отъ попытокъ такого ея развитія, которое могло бы повлечь за собою критику самыхъ ея основъ. Иначе враги рабочаго класса воспользуются ослабленіемъ его идейной брони, и незамѣтно проведутъ въ его среду свои, вредныя для него философскія, а за ними также соціальныя и политическія воззрѣнія.

Не можетъ ли пролетаріатъ въ своей духовной жизни вполнѣ и всецѣло удовлетворяться тѣми немногими и охватывающими все-же лишь ограниченную область элементами культуры, которые успѣли выработать творцы научнаго соціализма? На это дается такой отвѣтъ: пролетаріату и нѣтъ необходимости создавать въ другихъ областяхъ новое культурное содержаніе. Науки, напр., за исключеніемъ соціальныхъ, вовсе не имѣютъ классового характера, онѣ—общечеловѣческое достояніе, хотя и разрабатывались до сихъ поръ представителями господствующихъ классовъ. Также найдется немало общечеловѣческаго и въ искусствѣ, даже въ этической жизни. Все это вполнѣ сохраняетъ свое значеніе для пролетаріата, ибо представляетъ объективныя, навсегда обя-

зательныя истины познанія, эстетики, морали. Все это, значитъ, и надо только усваивать, старательно заботясь, конечно, чтобы вмѣстѣ съ объективными и вѣчными истинами не проскользнули какъ нибудь буржуазно-классовыя тенденціи, — отдѣляя пшеницу отъ плевеловъ при помощи твердо воспринятой теоріи марксизма, экономической, политической и философской.

Такого рода взгляды съ наибольшей рѣшительностью и откровенностью формулированы именно въ русской литературѣ, хотя аналогичныя тенденціи, въ смягченномъ видѣ, можно найти и въ литературѣ нѣмецкаго, а тѣмъ болѣе — французскаго марксизма. Существенная ихъ черта заключается, очевидно, въ весьма низкой оцѣнкѣ культурно-творческихъ способностей рабочаго класса. Отсюда вытекаетъ и крайній теоретическій консерватизмъ; а въ качествѣ философскаго оправданія для него выдвигается признаніе абсолютныхъ и вѣчныхъ истинъ, которыя могутъ быть добыты мыслителями того или другого класса, но разъ уже добыты — не могутъ подвергаться критикѣ по существу, а развѣ только „подтверждаться и дополняться“ дальнѣйшими изслѣдованіями, по выраженію одного изъ самыхъ видныхъ представителей этого направленія въ Россіи [1]).

Легко видѣть коренное психологическое противорѣчіе, которое скрывается за подобными взглядами: нельзя быть надежными идеологами рабочаго класса людямъ, которые проникнуты такимъ глубокимъ недовѣріемъ къ его творческимъ силамъ. На этой основѣ возникло и забавное теоретическое противорѣчіе: абсолютной и вѣчной истиной объявляютъ марксизмъ, ученіе, радикально отрицающее всякія абсолютныя и вѣчныя истины. Но намъ не приходится заниматься здѣсь формально-критическимъ разборомъ данныхъ воззрѣній, имѣющихъ явно неустойчивый и переходный характеръ. Да это и не нужно: всякій, слѣдившій за литературой русскаго марксизма, знаетъ, какія жестокія пораженія были нанесены критикою справа и слѣва ихъ представителямъ, особенно Плеханову и В. Ильину, за послѣднее время.

Намъ надо выяснить иное: насколько объективно вѣрна та общая предпосылка, которая рѣзко выступаетъ у завѣдомо враждебныхъ рабочему классу противниковъ идеи пролетарской культуры, а въ смягченной формѣ — у нашихъ оскорбительно-заботли-

[1]) Бельтовъ, „Къ развитію монистическаго взгляда на исторію“.

выхъ друзей рабочаго класса. Эта общая предпосылка—мысль о культурной слабости пролетаріата среди современнаго общества, о его неспособности стать вполнѣ самостоятельнымъ въ этомъ отношеніи. Одни предлагаютъ опеку со стороны обладающихъ досугомъ и достаткомъ высшихъ классовъ, другіе—со стороны свято и строго охраняющихъ абсолютную истину теоретиковъ,—различна лишь степень и форма приложенія тенденціи, которая по существу въ обоихъ случаяхъ одна и та же.

XI.

Когда современный интеллигентъ или вообще человѣкъ, принадлежащій къ такъ называемому „обществу“, говоритъ о культурной жизни, то какіе образы проходятъ въ его сознаніи, конкретизируя для него это широкое понятіе? Конечно, тѣ, въ которыхъ оно чаще всего воплощается въ его обыденной жизни: печатныя книги, газеты, музеи съ картинами, судебныя учрежденія, парламентскія рѣчи, корректныя манеры, крахмальные воротнички, и т. д. Несомнѣнно, что для написанія книгъ, для изученія музеевъ, для произнесенія парламентскихъ рѣчей требуется индивидуальный досугъ, а покупка книгъ и крахмальныхъ воротничковъ предполагаетъ также индивидуальный достатокъ. Кромѣ того, большинству людей свойственно считать себя и себѣ близкихъ, и вообще свое ограниченное „общество“ за истинную соль земли, за творцовъ или, по крайней мѣрѣ, носителей и хранителей лучшей и подлинной культуры. Вотъ объективныя основы той теоріи, которая полагаетъ, что пролетаріатъ можетъ и долженъ получать культурное воспитаніе со стороны общества, но отнюдь не способенъ создавать свою собственную культуру.

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза чисто индивидуалистическое пониманіе творчества. Кто творецъ книги, картины, зданія, закона? Конечно, писатель, живописецъ, архитекторъ, государственный человѣкъ; кто же еще? Если бы вмѣсто этого писателя былъ другой, и вмѣсто законодателя тоже, — то была бы написана другая книга, напр., реалистическая вмѣсто идеалистической, и были бы изданы другіе законы, положимъ,

прогрессивные вмѣсто реакціонныхъ; и жизнь пошла бы иначе. Если бы у Маркса и Энгельса не оказалось свободнаго времени и необходимыхъ средствъ,—утопическій соціализмъ и теперь продолжалъ бы господствовать среди передовыхъ рабочихъ, находя соперника только въ чистомъ трэдъ-юніонизмѣ, и т. д. Эта чрезвычайно старая концепція беретъ факты прямо съ ихъ поверхности, и замѣчательнымъ образомъ совмѣщаетъ самый грубый „экономическій“ — можно сказать, финансовый матеріализмъ съ самымъ наивнымъ соціальнымъ идеализмомъ: базисомъ культуры для нея является индивидуальная зажиточность, а направленіе развитія сводится къ индивидуально-творческому произволу.

Наша теорія позволяетъ сразу дать двустороннюю оцѣнку такихъ взглядовъ—и ту долю практической истины, которая скрывается въ „ихъ здравомъ смыслѣ“, и ту долю заблужденія, отъ которой зависитъ ихъ столь явная въ наше время реакціонность. Возьмемъ для иллюстраціи какую нибудь книгу, и поставимъ вопросъ—п о ч е м у и въ к а к о й м ѣ р ѣ она получаетъ культурное значеніе?

Отвѣтъ, согласно нашей теоріи, на первый вопросъ таковъ: потому, что она организуетъ общія переживанія нѣкоторой коллективности, тѣмъ самымъ организуя и эту коллективность; на второй вопросъ: въ такой мѣрѣ, въ какой она выполняетъ эту организующую функцію. Схема одинаково примѣнима и къ „Капиталу“ Маркса, и къ брошюрѣ курскаго помѣщика о необходимости приведенія китайцевъ въ рабство, при чемъ позволяетъ легко сравнить также степень объективнаго значенія этихъ двухъ продуктовъ творчества. „Капиталъ“ организуетъ жизненный матеріалъ милліоновъ людей, взятый на протяженіи цѣлой экономической формаціи, стройно связывая вмѣстѣ съ тѣмъ самые насущные интересы и завѣтныя стремленія этихъ милліоновъ людей въ живую систему; а трудъ о „необходимости китаевладѣнія“ организуетъ лишь мечты и сожалѣнія о крѣпостномъ прошломъ, да безсильныя хищническія поползновенія нѣсколькихъ тысячъ „дикихъ помѣщиковъ“, допотопныхъ экономическихъ чудовищъ, сохранившихся въ гигантской бѣловѣжской пущѣ—реакціонной Россіи. Коллективъ, для сплоченія котораго служитъ „Капиталъ“, растетъ и развивается во всемъ мірѣ; вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ и культурное значеніе „Капитала“, пока его идеи

способны на дѣлѣ служить организующею формой для дѣятельности этого коллектива; группа соціальныхъ реликвій, которая можетъ организоваться вокругъ лозунга „китаевладѣнія“, волею судьбы продолжаетъ таять и вымирать, а ея литература тѣмъ самымъ все болѣе сводится по своей культурной цѣнности къ безплодно загрязненной бумагѣ. Тотъ же способъ пониманія и оцѣнки можетъ быть примѣненъ рѣшительно ко всякому литературному, художественному, философскому произведенію, ко всякой нормѣ обычая, права, морали,—ко всякой формѣ воплощенія культурнаго творчества, индивидуальнаго или массоваго, сознательнаго или стихійнаго.

Я не хотѣлъ бы внушить читателю той мысли, что предлагаемый методъ легокъ, что имъ можно пользоваться, такъ сказать, автоматически. Совершенно напротивъ. Когда, напр., на немъ будетъ основана литературная критика, — что неизбѣжно случится черезъ нѣкоторое время,—тогда задача критиковъ-публицистовъ станетъ, вѣроятно, сама по себѣ труднѣе, чѣмъ теперь; только ихъ читатели будутъ получать болѣе полное и ясное пониманіе жизненнаго смысла разбираемыхъ произведеній; а кромѣ того станутъ разрѣшимы нѣкоторыя загадки относительно причинъ измѣняющагося успѣха и распространенія различныхъ книгъ, относительно ихъ вліянія на умы, порою очень неожиданнаго для самихъ „творцовъ“, и т. под.

Такъ, для критики беллетристическаго произведенія, положимъ, бытового романа, съ этой точки зрѣнія, требуется двойной соціальный анализъ. Съ одной стороны, надо изслѣдовать содержаніе, которое организуется въ романѣ, т.-е. соціальную среду, которая въ немъ изображается; съ другой стороны, способъ организаціи этого содержанія, т.-е. взгляды автора на изображаемое, цѣль, которая сознательно или безсознательно господствуетъ въ его работѣ, пріемы, которыми онъ ее осуществляетъ, при чемъ все это должно быть объяснено путемъ изслѣдованія соціально-классовой позиціи автора, тѣхъ общественныхъ вліяній, которыя скрещиваются въ его личности. Въ результатѣ всего анализа можетъ оказаться, что книга консервативнаго по своимъ тенденціямъ автора способна послужить идейному развитію прогрессивныхъ теченій, работа исходящая изъ архи-умѣренныхъ за-

мысловъ—стать орудіемъ революціонныхъ силъ. Сочиненія Глѣба Успенскаго и нѣкоторыхъ другихъ народниковъ принесли много пользы дѣлу русскаго марксизма, потому что несмотря на интеллигентскій или мелко-буржуазный способъ пониманія, т.-е. организаціи собраннаго у нихъ матеріала, самый этотъ матеріалъ, богатый и яркій, чрезвычайно легко могъ быть сгруппированъ и освѣщенъ иначе, по-марксистски, т.-е. переорганизованъ для читателя согласно методамъ, выработавшимся на основѣ рабочаго движенія. Большинство романовъ Золя рекомендуется нѣмецкими соціаль-демократами для рабочихъ библіотекъ, хотя направленіе Золя завѣдомо буржуазное: нарисованныя имъ картины разложенія различныхъ элементовъ общества очень удобно объединяются марксистскими концепціями относительно хода развитія и деградаціи различныхъ классовъ, и тѣмъ самымъ укрѣпляютъ эти концепціи.

Въ иныхъ случаяхъ, когда произведеніе „находитъ свою публику“ среди самыхъ различныхъ и даже враждебныхъ другъ другу группъ общества, дѣло критика будетъ также—показать либо тѣ общія переживанія этихъ группъ, которыя сумѣлъ выдѣлить и стройно объединять въ своей работѣ авторъ, либо тѣ различныя стороны и части содержанія книги, которыя находятъ откликъ въ переживаніяхъ той или другой группы въ отдѣльности. Напр., успѣхъ раннихъ произведеній Горькаго среди буржуазіи различныхъ странъ былъ, несомнѣнно, въ наибольшей степени связанъ съ ихъ индивидуалистической тенденціей;—одновременный же успѣхъ среди демократической интеллигенціи, а особенно рабочаго класса—съ ихъ боевымъ протестомъ противъ условій, стѣсняющихъ и сковывающихъ развитіе активности и творчества въ современномъ обществѣ. Все это на дѣлѣ, разумѣется, гораздо сложнѣе, чѣмъ можно выразить въ бѣглыхъ общихъ замѣчаніяхъ, и все это требуетъ внимательнаго анализа, постоянно имѣющаго въ виду живую соціальную жизнь, по отношенію къ которой произведеніе художника есть и продуктъ, и организующая форма.

Теперь, однако, для насъ важно иное примѣненіе нашей общей концепціи; надо выяснить, насколько творчество культурныхъ формъ является дѣломъ индивидуальнымъ или коллективнымъ, и доступно ли оно только классамъ обезпеченнымъ, имѣющимъ значительный досугъ, или не имъ однимъ.

XII.

Итакъ, пусть передъ нами культурное произведеніе—какое угодно: романъ, картина, законъ, научное открытіе,—которое «принадлежитъ» опредѣленному, индивидуальному автору. Спрашивается, въ какой мѣрѣ авторъ объективно можетъ быть творцомъ этого произведенія, какъ одной изъ организующихъ формъ общественнаго бытія людей.

Предположимъ, что авторъ безусловно и вполнѣ оригиналенъ, т.-е., что все въ данномъ произведеніи принадлежитъ лично ему, и притомъ исключительно ему, какъ содержаніе, такъ и форма: нѣчто такое, что только онъ видитъ, слышитъ, чувствуетъ, систематизировано и выражено такимъ способомъ, который только ему одному свойственъ, и никому болѣе. Въ этомъ предѣльномъ случаѣ мы имѣли бы передъ собой, очевидно, нѣчто вполнѣ индивидуальное, но несравненно менѣе интересное, и менѣе понятное для какой бы то ни было публики, чѣмъ даже обычный бредъ сумасшедшаго: никому нѣтъ дѣла до содержанія, и никто не станетъ напрягать свой мозгъ, чтобы овладѣть формою произведенія.

Но такой предѣльный случай въ дѣйствительности невозможенъ: человѣкъ живетъ въ обществѣ, имѣетъ общее съ другими людьми поле воспріятій, высказываетъ свои переживанія при помощи методовъ, выработанныхъ до него процессомъ соціальнаго развитія и усвоенныхъ имъ въ силу жизненной необходимости. Возьмемъ случаи, сколько-нибудь приближающіеся къ предѣльному.

Пусть влюбленный поэтъ съ величайшей точностью и тщательностью описываетъ намъ даму своего сердца, такъ, что его описаніе дастъ намъ только ея индивидуальный образъ, исключая для насъ почти всякую возможность сколько-нибудь слить этотъ образъ въ нашихъ представленіяхъ и эмоціяхъ съ другими, знакомыми и близкими намъ въ жизни: получается нѣчто въ родѣ фотографической карточки, хотя бы въ видѣ звучныхъ и стройныхъ стиховъ. Надо ли говорить, что подобное твореніе будетъ мирно покоиться на полкахъ книжныхъ магазиновъ, и не сыграетъ никакой культурной роли. Почему? Потому что содержаніе, въ немъ организованное, слишкомъ индивидуально, и ни для какой,

хотя бы самой неопредѣленной коллективности, книга такого рода не послужитъ средствомъ связать и сдѣлать гармоничнѣе общія переживанія.

Въ знаменитой „Пѣсни пѣсней“ еврейскій поэтъ также описываетъ свою возлюбленную. Его описаніе никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣно въ фотографической точности. Сравненіе различныхъ частей тѣла невѣсты съ ливанскими кедрами, барашками на пастбищѣ, башнями, виноградными лозами и т. п. способно дать лишь весьма приблизительное и неясное понятіе объ его пропорціяхъ и формахъ. Тѣмъ не менѣе „Пѣснь пѣсней“ стала одной изъ священныхъ книгъ еврейской націи, т.-е., книгъ широко и глубоко организовавшихъ народный опытъ: въ эпоху религіозныхъ міровоззрѣній всякая такая книга дѣлалась выраженіемъ священной мудрости. Почему это такъ? Въ чемъ была культурная сила книги?

Въ феодальный періодъ жизни еврейскаго народа, когда на смѣну старому родовому быту развивалась индивидуальная семья, связанные съ нею инстинкты и эмоціи пріобрѣли невиданную раньше силу и напряженность. Что сдѣлалъ поэтъ? Онъ взялъ образъ невѣсты, какъ живой центръ, около котораго легко и естественно было сгруппировать эти чувства и настроенія: на этомъ горячемъ чувственномъ фонѣ онъ сплелъ пеструю сѣть изъ самыхъ яркихъ впечатлѣній, какія давала тогдашнему жителю Палестины его домашняя хозяйственная жизнь и его торговыя путешествія въ сосѣднія страны. Все вмѣстѣ образовало необычайно богатый и гармоничный комплексъ изъ общихъ народному коллективу и дорогихъ для него переживаній. Въ причудливоузорномъ коврѣ „Пѣсни пѣсней“ каждый находилъ идеализированную картину всего наиболѣе радостнаго и свѣтлаго, что видѣлъ въ своей собственной жизни; и такимъ образомъ художественное произведеніе становилось новымъ звеномъ, скрѣплявшимъ сознаніе національнаго единства въ маленькомъ, энергичномъ народѣ, который шелъ тогда отъ племенной экономической и политической раздробленности къ государственному единству, среди тяжелой, ожесточенной борьбы съ могучими сосѣдями за свою независимость.

Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшній читатель „Пѣсни пѣсней“ не испытываетъ и десятой доли того соціально-эстетическаго насла-

жденія, которое она давала еврею старыхъ временъ. Наслажденіе это есть смутно-ощущаемое сліяніе личной жизни съ коллективною, чувство расширенія психики за ея индивидуальные предѣлы. Но для насъ чужды многія переживанія далекаго племени далекихъ временъ, древняя поэма не организуетъ нашъ опытъ и наши чувства въ одну общую съ нимъ систему жизни, а лишь сравнительно слабо связываетъ насъ съ нимъ знакомою и находящею въ насъ откликъ картиною любовнаго экстаза, да нѣкоторыми образами, и для насъ еще „поэтичными“, т. е. порождающими въ насъ пріятныя, гармоническія эмоціи.

Непривыченъ и страненъ для насъ, противорѣчитъ отчасти складу нашего нынѣшняго мышленія самый способъ организаціи содержанія поэмы, вполнѣ соотвѣтствовавшій складу мышленія автора и его народа на той ступени развитія. Это—„стиль“ данной эпохи и даннаго общества, употребляя слово въ самомъ широкомъ его значеніи. Въ насъ, напр., вызываютъ чувство противорѣчія тѣ восточныя сравненія, которыми переполнена поэма — крайнее несоотвѣтствіе уподобляемыхъ другъ другу предметовъ по ихъ величинѣ, очень слабое, на нашъ взглядъ, ихъ сходство по формѣ и свойствамъ. Мы часто воспринимаемъ такое сравненіе, какъ неорганизованное, дисгармоничное сочетаніе, — но совершенно иначе воспринимала его публика еврейскаго поэта. Современная цивилизація, съ ея точнымъ счетомъ, мѣрой, вѣсомъ, играющими такую огромную роль и въ ея техникѣ производства, и въ обращеніи товаровъ, развила въ насъ несравненно большую тонкость и строгость оцѣнки различій, чѣмъ та, которою люди обладали при натурально-хозяйственномъ бытѣ. Методы измѣренія и сличенія въ тѣ времена отличались крайней грубостью и неточностью; статистическія данныя тогдашнихъ лѣтописцевъ, доходящія до насъ,—сообщенія о грандіозныхъ битвахъ, съ десятками и сотнями тысячъ сражавшихся, о городахъ съ сотнями тысячъ и милліонами жителей, обыкновенно при провѣркѣ, гдѣ ее удавалось выполнить на основаніи какихъ нибудь матеріальныхъ остатковъ прошлаго, оказывались преувеличенными въ десятки разъ. Опредѣленія дѣлались тогда на глазъ, и эмоція удивленія при непривычной картинѣ большого города или многочисленнаго войска порождала высказываньe, съ нашей точки зрѣнія весьма невѣрное, но живѣе передававшее современникамъ автора непо-

средственное впечатлѣніе отъ вещей и событій, которыя онъ описывалъ. Въ сущности, на этой слабости воспріятія различій въ наибольшей мѣрѣ основывается тотъ смѣлый полетъ восточной фантазіи, съ ея гиперболическими сравненіями, съ ея неожиданными переходами, который порою прямо подавляетъ нынѣшняго читателя.

Въ иныхъ случаяхъ современное намъ произведеніе захватываетъ предметы жизненно-важные для насъ, т.-е. сами по себѣ „интересные“,—и мы, однако, находимъ его „неинтереснымъ“, бездарнымъ, безталаннымъ. Это значитъ, что методъ сочетанія матерьяла въ немъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ способамъ, которымъ всего легче и совершеннѣе организуются наши переживанія, такъ что произведеніе не можетъ выполнить своей культурной функціи по отношенію къ намъ. Но въ людяхъ другого воспитанія, другого склада мысли и чувства, т.-е. большей частью другой соціальной группы, оно же, весьма вѣроятно, вызоветъ истинный восторгъ, чувство расширенія, углубленія жизни. Писанія Меньшиковыхъ, политическія рѣчи Марковыхъ и Гучковыхъ кажутся намъ безнадежно пошлыми,—но у нихъ есть своя публика, общее сознаніе которой превосходно организуется этими культурными издѣліями.

Всѣ такія иллюстраціи поясняютъ намъ то, что мы могли и дедуктивно получить изъ нашей основной концепціи: культурныя формы въ дѣйствительности являются таковыми постольку, поскольку ихъ матерьяломъ служатъ явленія, отношенія, переживанія, общія для какой-либо коллективности и для нея важныя, а способъ связыванія матерьяла таковъ, что гармонируетъ съ ея жизненнымъ складомъ и увеличиваетъ ея организованность.

Посмотрите съ этой же точки зрѣнія на продуктъ иной идеологической области, напр., на тотъ или другой законъ. Его содержаніе составляютъ практическія отношенія людей, его форму—тотъ методъ, которымъ онъ ихъ регулируетъ. Если отношенія эти играютъ большую роль въ жизни соціальнаго цѣлаго, то законъ принадлежитъ къ числу важныхъ, существенныхъ; если онъ вноситъ дѣйствительную гармонію въ нихъ, то признается закономъ хорошимъ, благодѣтельнымъ. Въ классовомъ обществѣ онъ, обыкновенно, хорошо организуетъ жизнь одного класса, одной соціальной группы, и плохо организуетъ или даже дезорганизуетъ

жизнь прочихъ классовъ и группъ. Отсюда его различная оцѣнка въ обществѣ. Всѣ согласятся, что законъ 9 ноября для Россіи очень важенъ; но если онъ хорошо устраиваетъ дѣла зажиточныхъ крестьянъ, и разстраиваетъ соціальное бытіе крестьянской массы, если онъ создаетъ новую связь общихъ выгодъ между деревенской буржуазіей и бюрократіей, а также укрѣпляетъ связь политическихъ интересовъ между остальными слоями деревни и городскимъ пролетаріатомъ, но разрушаетъ въ то же время массу мелкихъ экономическихъ связей, — то понятно, что оцѣнка его культурнаго значенія окажется чрезвычайно различной, хотя критерій всюду однородный — увеличеніе или уменьшеніе организованности въ жизни какой либо коллективности.

XIII.

Теперь намъ легко установить соотношеніе между индивидуальнымъ и коллективнымъ творчествомъ въ развитіи культурныхъ формъ. Если даже видимымъ авторомъ книги, картины, теоріи, нормы является опредѣленная личность, то дѣйствительный генезисъ ихъ гораздо шире и глубже, онъ коренится въ коллективѣ. Въ общихъ переживаніяхъ соціальной группы или класса для автора дано уже содержаніе, которое онъ долженъ организовать, и дана, конечно, самая потребность въ его организаціи; что же касается ея пріемовъ и способовъ, то они также должны соотвѣтствовать исторически сложившемуся типу жизни и мышленія той же коллективности, значитъ, опять-таки предопредѣляются въ ея соціальномъ существованіи. Какова же роль автора? Онъ—о р г а н и з а т о р ъ даннаго матерьяла, а черезъ то, въ извѣстной мѣрѣ, и самой коллективности: роль достаточно важная и почетная даже безъ всякихъ ея преувеличеній, порождаемыхъ индивидуалистической иллюзіей. Ее можно сравнить съ ролью сборщика машинныхъ частей въ механическомъ производствѣ. Нынѣшній, напр., локомотивъ состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ частей, крупныхъ и мелкихъ, которыя приготовляются отдѣльно; и я помню случай, когда въ желѣзно-дорожныя мастерскія одной изъ крупнѣйшихъ нашихъ дорогъ впервые пришли въ

разобранномъ видѣ локомотивы „американки“: мастерскія оказались не въ состояніи собрать ихъ, пришлось выписывать и монтеровъ изъ-за границы. Безспорно, собираніе живыхъ элементовъ человѣческаго опыта—вещь болѣе сложная и тонкая, чѣмъ собираніе мертвыхъ частей машины, — но и здѣсь и тамъ тотъ же самый типъ сотрудничества между „авторомъ“ и его безчисленными, незамѣтными въ его работѣ сотрудниками.

Впрочемъ, было бы неправильно понять это въ томъ смыслѣ, что авторъ, напр., художественнаго или научнаго произведенія не можетъ дать въ немъ новаго содержанія, помимо того, какое уже выработалось до него въ трудѣ и опытѣ его коллектива. Напротивъ,—каждый изъ членовъ коллектива могъ дать что-нибудь новое въ общую сумму этого содержанія; и авторъ, разумѣется, не составляетъ исключенія, а въ большинствѣ случаевъ та доля, которую онъ самъ вноситъ, даже значительно больше, чѣмъ каждая изъ тѣхъ, которыя внесены его безымянными сотрудниками. Особенно это очевидно въ научныхъ открытіяхъ: когда, напр., Галилей открылъ спутниковъ Юпитера, то это было для астрономіи совершенно новымъ даннымъ. Но открытіемъ оно было не потому, что одинъ Галилей въ извѣстный моментъ увидѣлъ то, чего не видали другіе,—а потому, что послѣ того всякій могъ и долженъ былъ увидѣть то же самое въ указанныхъ Галилеемъ условіяхъ. Если бы было иначе, если бы новое содержаніе было „чисто-индивидуальнымъ“, т.-е. существовало для одного Галилея, то оно было бы галлюцинаціей или сновидѣньемъ, а не открытіемъ. На дѣлѣ оно обладало объективностью или, что то же самое, соціальной значимостью [1]). А культурно-важнымъ оно было отнюдь не потому, что вообще заключало въ себѣ нѣчто новое, но потому, что серьезно затрогивало интересы общества, потому что имѣло вліяніе на его идейную и даже экономическую организацію. Въ ту же свою зрительную трубу Галилей впервые увидалъ цѣлые десятки тысячъ „неподвижныхъ звѣздъ“, которыя раньше были недоступны человѣческо-

[1]) Марксъ, повидимому, первый понялъ этотъ истинный смыслъ философскаго понятія „объективность“, но, къ сожалѣнію, отмѣтилъ его лишь мимоходомъ („Das Kapital“, 5 изд., т. I, стр. 42). Теперь такъ называемые „марксисты“ типа Плеханова—Ильина считаютъ это вредной ересью эмпиріомонизма.

му зрѣнію. Но не только любыя четыре изъ этихъ десятковъ тысячъ, а и всѣ онѣ вмѣстѣ взятыя не представляли такого важнаго культурнаго факта, какъ четыре „медичисскія“ крошечныя свѣтила. Изъ двухъ конкуррировавшихъ въ то время способовъ организаціи астрономическаго матерьяла это новое данное наиболѣе гармонично укладывалось въ рамки того, который назывался „системой Коперника“, а не того, который назывался „системой Птоломея“. А выборъ одного изъ двухъ опредѣлялъ судьбу астрономіи, науки, регулирующей и человѣческій трудъ въ его цѣломъ—своимъ раздѣленіемъ времени,—и спеціально такія важныя его отрасли, какъ сельское хозяйство, а особенно мореплаванье, и другіе виды передвиженія по естественнымъ путямъ, когда только опредѣленіе широты и долготы создаетъ надежную оріентировку. Для разрѣшенія этой послѣдней задачи открытіе Галилея кромѣ того непосредственно давало наилучшій методъ—вычисленіе точнаго времени и долготы на основѣ затменій спутниковъ Юпитера;—и организація міровыхъ торговыхъ сношеній была значительно облегчена, что ускоряло развитіе буржуазнаго общества на мѣстѣ прежняго, феодальнаго.

Какъ видимъ, новое содержаніе, вносимое культурно-активной личностью въ опытъ коллектива, можетъ быть очень важнымъ. Не менѣе важнымъ бываетъ иногда измѣненіе методовъ организаціи того же опыта, вносимое отдѣльной личностью, чему примѣромъ можетъ служить роль Коперника. Но въ соціальной средѣ происходитъ подборъ, который принимаетъ или отвергаетъ новое содержаніе, какъ и новые методы, — который сохраняетъ ихъ въ видѣ „полезнаго открытія“, или уничтожаетъ въ видѣ „нелѣпой фантазіи“. Да и самое открытіе личность можетъ сдѣлать, лишь всецѣло опираясь на предыдущій трудъ и опытъ своего общества. Не ясно ли, что въ концѣ концовъ „авторъ“, „творецъ“, „геній“ есть просто—точка приложенія созидающихъ соціальныхъ силъ, которыя въ немъ концентрируются и черезъ его сознаніе вырабатываютъ себѣ новыя формы?

Какъ создаются въ живни массъ, въ ихъ трудѣ и обыденныхъ отношеніяхъ, тѣ элементы идеологіи, которые потомъ собираются во-едино различными „творцами“, и какъ тамъ же вырабатываются методы для организаціи опыта, которыми эти „творцы“ необходимо пользуются—этотъ интересный и важный вопросъ требуетъ

отдѣльнаго изслѣдованія. Здѣсь для научнаго анализа могъ бы всего лучше проложить дорогу художественный анализъ беллетристовъ—знатоковъ народной жизни, какъ для ученія Маркса о классовой психологіи въ значительной мѣрѣ проложили дорогу соціально-бытовые романы Бальзака. Для насъ же въ данный моментъ важно лишь одно: не изъ произвола личностей, а изъ трудового бытія коллективовъ вырастаетъ духовная культура.

XIV.

Теперь, если намъ говорятъ, что какой-нибудь общественный классъ неспособенъ къ самостоятельному культурному творчеству, то мы должны понять это такимъ образомъ, что данный классъ неспособенъ къ самостоятельной организаціи, къ сплоченію своей массы и установленію живой связи своего опыта. Если такъ говорятъ о рабочемъ классѣ, то мы сразу видимъ, что это даже, въ сущности, не клевета, ибо нельзя назвать клеветой то, что такъ явно противорѣчитъ очевидности, — а безнадежная мечта тѣхъ, кого устрашаетъ и огорчаетъ происходящій въ дѣйствительности процессъ организаціи новыхъ общественныхъ силъ.

Когда же намъ разъясняютъ, что своей собственной культурной жизни пролетаріатъ не въ силахъ развить потому, что рабочимъ индивидуально не хватаетъ свободнаго времени, а также обезпеченности, то въ этихъ соображеніяхъ обнаруживаются двѣ существенныхъ ошибки:

во-первыхъ, весь культурный процессъ представляется въ грубо-индивидуалистическихъ формахъ — въ видѣ писанія книгъ отдѣльными авторами, рисованія картинъ отдѣльными художниками и т. под.; сразу упускается изъ виду вся та часть культурной работы, которая протекаетъ въ массахъ анонимно и безлично, слагаясь изъ неуловимо-малыхъ элементовъ; а это и есть основная, первичная часть классового творчества, и наиболѣе значительная;

во-вторыхъ, работа индивидуальная понимается ложно, какъ нѣчто первоначальное и абсолютное, не вытекающее изъ самаго существа жизни коллектива, и потому настолько случайное, что

оно не будетъ реализовано, если у той или другой отдѣльной личности не окажется значительнаго досуга и достатка.

Съ нашей точки зрѣнія отнюдь не существенно, будетъ ли идеологъ даннаго класса или группы принадлежать къ нимъ по своему личному соціальному положенію, или не будетъ. Не все ли равно, въ комъ найдетъ временное персональное выраженіе коллективная творческая сила? Вопросъ только въ томъ, насколько будетъ полнымъ и совершеннымъ это выраженіе. Марксъ могъ тысячу разъ быть буржуазнымъ интеллигентомъ,—но если бы его идеи были продуктомъ буржуазно-интеллигентской мысли, то ихъ соціально-организующая роль и ограничилась бы этимъ кругомъ. Въ дѣйствительности, именно тамъ она ничтожна, и даже скорѣе убываетъ, чѣмъ усиливается, тогда какъ среди пролетаріата она уже теперь огромна, и непрерывно возрастаетъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда распространеніе марксизма среди русскихъ рабочихъ было ничтожно, мнѣ сообщали такую исторію. Одинъ разъѣзжавшій съ просвѣтительными цѣлями товарищъ, пробравшись на фабрику въ захолустномъ селѣ, наткнулся тамъ на кружокъ рабочихъ, по характеру чисто дружескій, а отнюдь не политическій. Рабочіе эти не имѣли никакихъ научныхъ книгъ, и не слыхали о существованіи Маркса; но собираясь вмѣстѣ и обсуждая условія своей жизни, они самостоятельно пришли къ основнымъ положеніямъ теоріи прибавочной стоимости. Я не могъ лично провѣрить фактовъ, но источникъ былъ весьма достовѣрный и, по существу дѣла, врядъ ли тутъ можно видѣть что-нибудь исключительное и странное. Не очевидно ли, что ученіе о прибавочной стоимости охватываетъ явленія, жизненно важныя именно для наемныхъ пролетаріевъ, и притомъ съ той точки зрѣнія, которая для нихъ въ наибольшей мѣрѣ естественна и понятна. А для буржуазной интеллигенціи ни матеріалъ, сгруппированный въ этомъ ученіи, не представляетъ непосредственнаго насущнаго интереса, ни способъ его группировки и освѣщенія не вытекаетъ изъ ея общественной позиціи. Представленіе о безличномъ, коллективномъ трудѣ, какъ единственной основѣ всякой цѣнности, всего меньше могло бы получиться на почвѣ практическаго опыта буржуазной интеллигенціи, трудъ которой такъ индивидуаленъ по формѣ и такъ индивидуализированъ по содержанію, работа которой оплачивается такъ разнообразно, въ прихотливой

зависимости не только отъ личныхъ способностей, но зачастую даже и отъ удачи.

Подобнымъ же образомъ было бы въ высокой степени странно думать, что теорія историческаго матеріализма возникла изъ интеллигентскаго опыта. Базисомъ общественнаго развитія она признаетъ производительныя силы соціальной системы, т.-е. совокупность ея средствъ производства и ея рабочихъ силъ: со всѣмъ этимъ интеллигенція всего меньше имѣетъ дѣла. Живя по преимуществу въ сферѣ „духовной“ работы, она сама по себѣ наиболѣе склонна къ соціальному идеализму, къ признанію идей за движущія силы соціальнаго бытія. Наоборотъ, для пролетарія „производительныя силы“—это та сфера, въ которой протекаетъ его ежедневный трудъ, вырастающія изъ нихъ экономическія отношенія—это та область, гдѣ идетъ его насущная соціальная борьба; и наблюдая различіе своей точки зрѣнія и точки зрѣнія предпринимателя на однѣ и тѣ же, очень простыя вещи, пролетарій легче всякаго другого долженъ чувствовать зависимость идей отъ экономическихъ интересовъ и отношеній [1]). Незамѣтно и непрерывно изъ безчисленныхъ мелкихъ и крупныхъ фактовъ обыденной жизни, накопляется въ пролетарской душѣ тотъ опытъ, для котораго соціально-философская теорія Маркса является прямымъ выводомъ и обобщеніемъ.

Для меня до сихъ поръ остается интересной психологической загадкой, почему я не могъ найти въ марксистской литературѣ отчетливаго выраженія мысли о томъ, что идеологія, или духовная культура, выполняетъ организующую функцію въ жизни общества, группъ и классовъ. Взявши историческій матеріализмъ безъ этой концепціи, мы получаемъ крайне странное и нелогичное положеніе для тѣхъ, кто ставитъ себѣ задачею жизни развитіе клас-

[1]) Дѣловая буржуазія, для которой центромъ жизни является экономическая борьба и финансовые интересы, склонна къ своеобразному „экономическому матеріализму“, ставящему въ основу соціальной жизни имущественныя отношенія, при чемъ къ нимъ сводятся всецѣло и классовый антагонизмъ. Эта доктрина обладаетъ внѣшнимъ сходствомъ, и нѣкоторымъ внутреннимъ родствомъ съ историческимъ матеріализмомъ, которому она проложила путь, какъ и сама буржуазія проложила путь пролетаріату. Тѣ буржуазные историки, какъ Тьерри и Минье, которыхъ указываютъ обыкновенно, какъ предшественниковъ Маркса, были представителями именно такого соціальнаго міровоззрѣнія.

сваго самосознанія, т.-е. идеологіи коллектива. Выходитъ такъ, какъ будто люди хотятъ содѣйствовать перестройкѣ общества непремѣнно съ верхняго этажа, а не хотятъ касаться ни фундамента, каковымъ являются производительныя силы, ни перваго этажа—экономическихъ отношеній, вообще—направляютъ свою работу не въ глубину соціальнаго бытія, а на его поверхность. Наоборотъ, наша концепція сразу устраняетъ недоразумѣніе: развивать классовое самосознаніе—значитъ организовать классовую силу.

XV.

Вопросъ о культурныхъ принципахъ, которые предстоитъ пролетаріату внести въ жизнь общества, оказался, при ближайшемъ изслѣдованіи, тожественъ съ вопросомъ о принципахъ его организаціи. Слѣдовательно, мы должны выяснить, какъ фактически онъ организованъ, и въ какую сторону направляется развитіе организаціонныхъ формъ его соціальнаго бытія. При этомъ оказывается вотъ что.

Какъ участникъ системы производства, наемный рабочій связанъ съ другими ея участниками посредствомъ весьма различныхъ отношеній, которыя, однако, всѣ сводятся къ тремъ типамъ.

Во-первыхъ, на рынкѣ труда рабочій встрѣчается съ предпринимателемъ, какъ покупщикомъ его рабочей силы, и съ другими рабочими, какъ ея продавцами. Тутъ позиція рабочаго характеризуется формальной независимостью и равенствомъ какъ по отношенію къ его контръ-агенту капиталисту, такъ и по отношенію къ его конкуррентамъ—другимъ рабочимъ. Каждый руководствуется только своими интересами, каждый свободенъ соглашаться на тѣ или иныя условія. Но независимые личные интересы сталкиваются, и соціальная связь принимаетъ форму борьбы рабочаго изъ-за оплаты рабочей силы съ ея покупателемъ, изъ-за возможности продать ее—съ другими продавцами. Въ этихъ рамкахъ позиція рабочаго среди общества представляется чисто индивидуалистической: какъ обособленная личность, онъ

противостоитъ другимъ подобнымъ личностямъ, и враждебно сталкивается съ ними. Стихійныя силы рынка опредѣляютъ исходъ борьбы—удастся ему, или нѣтъ, отстоять свои интересы противъ чужихъ.

Во-вторыхъ, внутри предпріятія рабочій становится къ самому предпринимателю и его наемнымъ служащимъ-организаторамъ въ отношеніе подчиненнаго исполнителя ихъ указаній и приказаній. Здѣсь, разумѣется, о равенствѣ не можетъ быть и рѣчи, о формальной независимости—тоже. Связь авторитарна по существу, дуалистична—по формѣ, такъ какъ имѣетъ два полюса, приказаніе—исполненіе.

Въ-третьихъ, съ другими рабочими предпріятія, занимающими такое же, какъ онъ, положеніе въ производствѣ, нашего рабочаго связываетъ общность ихъ дѣла при не только уже формальномъ, но и матеріальномъ равенствѣ условій труда, и при вытекающей отсюда общности интересовъ. Это отношенія товарищескія. Въ нихъ нѣтъ ни антагонизма, ни подчиненія. Они являются тѣмъ болѣе законченными, чѣмъ менѣе соединены съ технической спеціализаціей; ибо при ней содержаніе работы различно, и порождаетъ обособленность между работниками, ослабляетъ общность ихъ дѣла и интересовъ. Но спеціализація тутъ есть не что иное, какъ примѣсь индивидуалистическаго элемента къ товарищески-трудовымъ отношеніямъ. Она всего полнѣе устраняется прогрессомъ машиннаго производства. Чѣмъ дальше развивается его техника, тѣмъ полнѣе спеціализація переносится на самыя машины, а характеръ и содержаніе дѣятельности работниковъ, имѣющихъ дѣло съ различными машинами, становится все болѣе сходнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, товарищескій типъ трудовыхъ отношеній выступаетъ во все болѣе чистомъ видѣ.

Спрашивается, должны ли эти три принципа организаціи всѣ вмѣстѣ оказаться также и культурными принципами пролетаріата, а стало быть и опредѣлить собою культурныя задачи эпохи? Или это должно быть иначе?

XVI.

Индивидуалистическія отношенія типичны вообще для мѣновой соціальной системы. Въ ихъ рамкахъ пролетарій—продавецъ рабочей силы—не отличается отъ всякаго другого продавца—покупателя. Но въ его жизни они играютъ гораздо менѣе значительную роль, чѣмъ въ жизни мелкаго товаропроизводителя, а особенно—капиталиста. Буржуазные классы несравненно болѣе заняты борьбою рынка, ихъ интересы несравненно болѣе сосредоточены на конкурренціи. Именно для нихъ, поэтому, индивидуализмъ являлся основнымъ принципомъ организаціи,—они должны были и создать индивидуалистическую культуру. Они уже выполняли эту миссію.

Врядъ ли кто-нибудь станетъ спорить противъ того, что вся современная буржуазная культура проникнута духомъ индивидуализма: это стало общимъ мѣстомъ. Ея мораль и право построены на частной собственности и личной отвѣтственности; въ ея познаніи субъектомъ признается индивидуумъ, какъ это видно на всякой буржуазной философіи, будетъ она матеріалистическая или идеалистическая; буржуазное искусство своимъ центромъ имѣетъ судьбы и переживанія отдѣльной личности. Такимъ образомъ, очевидно, что принципъ индивидуализма не можетъ быть специфическимъ для культурнаго творчества рабочаго класса: если бы это было такъ, то культурная задача эпохи гораздо лучше выполнялась бы руками буржуазіи, да и вообще никакой принципіально-новой, классовой задачи не существовало бы.

Еще важнѣе то обстоятельство, что въ соціальной жизни рабочаго класса индивидуалистическія отношенія не усиливаются, не развиваются, а постепенно слабѣютъ и отмираютъ. Въ самомъ дѣлѣ, если первоначально пролетарій противостоитъ капиталисту на рынкѣ труда индивидуально, какъ отдѣльный и независимый продавецъ рабочей силы, то затѣмъ это измѣняется: товарищескія связи проникаютъ и въ эту область, индивидуальный договоръ найма уступаетъ мѣсто коллективному, капиталистъ вынужденъ имѣть дѣло съ профессіональнымъ рабочимъ союзомъ. Продажа—покупка рабочей силы, съ устраненіемъ конкуренціи между рабочими, превращается въ борьбу классового пролетарскаго

коллектива противъ буржуазнаго контръ-коллектива [1]). Только штрейкбрехерство и „желтые“ союзы остаются напоминаніемъ объ индивидуалистической „свободѣ труда“ на рабочемъ рынкѣ.

Ясно, что если процессъ развитія стремится уничтожить индивидуалистическіе элементы пролетарской жизни, то культурно-классовая задача пролетаріата не только не можетъ сводиться къ дальнѣйшей выработкѣ индивидуалистическихъ формъ, но наоборотъ, должна заключать въ себѣ тенденцію къ ихъ разрушенію, къ ихъ отмѣнѣ и замѣщенію какимъ-то инымъ типомъ.

Это, однако, не означаетъ, чтобы элементы индивидуализма были уже теперь слабы и ничтожны въ системѣ пролетарскаго движенія. Они еще очень сильны какъ на его правомъ флангѣ—трэдъ-юніонистскомъ и оппортюнистическомъ, такъ и на лѣвомъ-анархо-синдикалистскомъ. Въ трэдъ-юніонизмѣ, опорою котораго являются представители наиболѣе квалифицированнаго труда, сказывается вліяніе сохраняющейся тамъ до сихъ поръ спеціализаціи: она всегда поддерживаетъ, какъ мы указывали, дробность интересовъ и психическое обособленіе личностей; въ оппортюнизмѣ—вліяніе примыкающей къ рабочему классу справа полубуржуазной интеллигенціи, пропитывающей своимъ настроеніемъ наиболѣе близкіе къ ней его слои. Анархизмъ и отчасти синдикализмъ соотвѣтствуютъ тѣмъ болѣе раннимъ фазамъ движенія, на которыхъ еще сильны слѣды происхожденія рабочаго класса изъ разоренной давленіемъ капитала мелкой буржуазіи, ремесленной, крестьянской и торговой: этимъ объясняется и тотъ, въ значительной мѣрѣ, лишь внѣшній, революціонаризмъ, который отличаетъ „лѣвое крыло“ западно-европейскаго рабочаго движенія: это результатъ мучительнаго соціальнаго крушенія, печать котораго еще не изгладилась въ новой борьбѣ, уже не безнадежной, какъ прежняя, а напротивъ, полной свѣтлыхъ обѣщаній.

---

[1]) Буржуазный контръ-коллективъ въ этой борьбѣ также развиваетъ новыя формы сплоченія—синдикаты, тресты и т. под.,—но не достигаетъ внутренней организованности настоящаго коллектива, каковъ пролетарскій,—основанной на товарищескомъ сотрудничествѣ. Въ синдикатахъ и трестахъ буржуазіи *личные* интересы остаются преобладающимъ экономическимъ содержаніемъ, только *извнѣ* ограниченные общей опасностью и дисциплиной.

Но конечно, не въ этихъ промежуткахъ и не въ различныхъ смѣшанныхъ тенденціяхъ пограничныхъ частей пролетарскаго коллектива лежатъ основы его собственнаго творчества—культурные принципы, которымъ принадлежитъ будущее.

XVII.

Авторитарныя отношенія до сихъ поръ занимаютъ не меньшее мѣсто въ соціально-трудовой обстановкѣ рабочаго, чѣмъ индивидуалистическія: продажа рабочей силы реализуется въ подчиненіи покупателю и лицамъ, его замѣщающимъ. Не должно ли новое творчество отразить и выразить эту сторону классового бытія, какъ первичную и опредѣляющую? Не здѣсь ли новый принципъ культуры.

Въ дѣйствительности онъ, однако, не новый, а очень и очень старый. Цѣлый періодъ жизни человѣчества, простиравшійся на много тысячелѣтій, былъ ознаменованъ рѣшительнымъ, подавляющимъ господствомъ авторитарнаго типа организаціи, а съ нимъ и авторитарной культуры: патріархально-родовой бытъ и феодализмъ.

Міровоззрѣнія тѣхъ временъ, хотя и весьма разнообразныя у различныхъ народовъ и на разныхъ ступеняхъ развитія, были постоянно и всецѣло религіозныя. Вселенная представлялась по схемѣ патріархальной общины или феодальнаго царства: властныя божества, родовыя, племенныя, національныя, стихійныя, управляли жизнью, подчиняя и контролируя всѣ явленія своей хозяйской волей. Отъ нихъ исходилъ всякій успѣхъ и всякая неудача, всякое знаніе, всякій обычай, всякое право. Зародыши науки скрывались въ религіозной оболочкѣ, и были тайною организаторскаго сословія—жрецовъ; искусство служило религіи, проникнутое той же идеей авторитета, которую воплощало въ пластическихъ образахъ боговъ, въ ихъ царственныхъ дворцахъ—храмахъ, въ сказаніяхъ о божествахъ и герояхъ, въ посвященной имъ музыкѣ и танцахъ. Въ тѣ времена человѣкъ до такой степени былъ неспособенъ даже свои собственныя дѣйствія поня-

мать иначе, какъ исполненіе какой-нибудь властной воли,—что создалъ миѳъ о душѣ, властительницѣ тѣла; и миѳъ этотъ, поддерживаясь остатками авторитарныхъ отношеній, до сихъ поръ тяготѣетъ надъ психологіей, соціальными науками, философіей, въ видѣ различныхъ дуалистическихъ идей. Но теперь все это—только пережитки въ эклектично-пестрой культурѣ настоящаго. Тогда же авторитарная культура обладала настолько высокой цѣльностью, о какой мы, дѣти эпохи сплетающихся и сталкивающихся тенденцій, можемъ пока еще развѣ лишь мечтать.

Итакъ, слѣдуетъ ли принять, что рабочій классъ, поскольку онъ вынужденъ жить въ атмосферѣ авторитарнаго подчиненія, долженъ, приспособляясь къ нему, вырабатывать самъ культурныя формы соотвѣтственнаго типа? Что атмосфера эта оказываетъ культурное вліяніе, по крайней мѣрѣ отчасти, на рабочія массы, о томъ свидѣтельствуютъ и клерикальные рабочіе союзы, и сохраненіе помимо нихъ религіозности среди рабочихъ даже наиболѣе передовыхъ странъ. Но и религіозность, и клерикальная организація—это такія формы, которыя пролетаріатъ находилъ болѣе или менѣе готовыми въ окружающей его соціальной средѣ. Вопросъ заключается въ томъ, таково ли направленіе самостоятельнаго творчества, вытекающаго изъ условій развитія рабочаго класса.

Внутри рабочаго класса авторитарныя отношенія быстро распадаются. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ еще въ цѣломъ рядѣ производствъ играли значительную роль группировки, подобныя ремесленно-цеховымъ: рабочіе полноправные—мастера—отъ себя нанимали помощниковъ, въ родѣ прежнихъ подмастерій и учениковъ, которые и должны были имъ подчиняться. Теперь это почти исчезло, передъ договоромъ найма всѣ рабочіе принципіально равны. Семья дольше всего сохраняетъ авторитарное строеніе—власть мужа надъ женой и родителей надъ дѣтьми. Но капиталъ подрываетъ ту экономическую зависимость, на которой основана эта власть. Эксплуатація женскаго и дѣтскаго труда даетъ экономическую опору болѣе слабымъ членамъ семьи, дѣлаетъ ихъ изъ рабовъ—товарищами мужа и отца. Здѣсь патріархальный институтъ семьи подкапывается въ корнѣ.

Но подчиненіе рабочаго предпринимателю и его агентамъ остается? Да, конечно. Тѣмъ не менѣе, и въ немъ происходитъ

глубокій переворотъ, и оно становится совершенно инымъ, чѣмъ старыя авторитарныя отношенія. Вторгается классовая борьба, и то, что было раньше живой, органической связью двухъ соціальныхъ элементовъ, взаимно необходимыхъ и взаимно дополняющихъ другъ друга, она дѣлаетъ ихъ жизненнымъ противорѣчіемъ, которое обостряется въ ходѣ развитія. Во всякой истинно-авторитарной системѣ, начиная отъ патріархальной общины и кончая азіатской деспотіей, между полюсами соціальнаго дуализма — властью и подчиненіемъ—существуетъ принципіальная гармонія. Если подчиненный, допустимъ, страдаетъ отъ своего властителя, то онъ можетъ только желать себѣ на его мѣсто иного властителя; и если даже станетъ противъ него бороться, то для того, чтобы захватить себѣ его власть, но не болѣе: противъ самой власти, противъ этого типа организаціи онъ бороться не можетъ, ибо въ немъ всецѣло живетъ и въ его только формахъ мыслитъ. Иначе обстоитъ дѣло съ пролетаріемъ.

Наемный рабочій окруженъ самыми разнообразными отношеніями; его практика и мышленіе не скованы, не ограничены авторитарной связью. Страдая отъ своего подчиненія или, экономически выражаясь, эксплуатаціи, онъ ищетъ опоры въ иныхъ связяхъ. Возникаетъ классовое объединеніе, и борьба ведется не за перемѣну властителя, не за то, чтобы самимъ лично стать властителями,—а за ограниченіе власти, за измѣненіе самаго способа организаціи. Ограниченіе авторитарнаго принципа— это начало его отмѣны. Такова тенденція классовой борьбы пролетаріата: она направлена противъ авторитарности, къ ея вытѣсненію иными общественными связями.

Мы знаемъ, что сущность культуры—ея организующая функція, оформленіе и закрѣпленіе опредѣленной соціальной организаціи. Передъ нами такой ея типъ, который во внутреннихъ отношеніяхъ рабочаго класса отмираетъ, а извнѣ продолжаетъ тяготѣть надъ нимъ, вызывая съ его стороны борьбу противъ себя. Ясно, что принципомъ культурнаго творчества для рабочаго класса этотъ типъ организаціи стать не можетъ. Задачи пролетаріата въ этой области настолько же анти-авторитарны, насколько враждебны индивидуализму.

XVIII.

Изъ трехъ основныхъ типовъ соціальной связи, свойственныхъ трудовой жизни пролетаріата, два оказались принципіально неспособными опредѣлить собою его культурныя задачи. Остается лишь третій—связь товарищеская, или коллективистическая. Эта послѣдняя играетъ иную, особенную роль въ пролетарской практикѣ.

Мы видѣли, что это-преобладающая форма отношеній между рабочими въ самомъ производствѣ, и что она, по мѣрѣ развитія научной техники, пріобрѣтаетъ все болѣе чистый, болѣе законченный характеръ, освобождаясь отъ вліянія спеціализаціи. Въ то же время ея поле расширяется по двумъ направленіямъ. Во-первыхъ, общность интересовъ создаетъ классовое объединеніе рабочихъ въ соціальной борьбѣ,—объединеніе, далеко выходящее изъ рамокъ не только отдѣльныхъ предпріятій, но и отраслей производства, и даже національныхъ обществъ—интернаціальная классовая связь экономическихъ и политическихъ организацій. Ихъ устройство, съ самаго начала въ общемъ демократическое, то есть основанное на товарищескомъ началѣ, въ дальнѣйшемъ, какъ показываетъ наблюденіе, продолжаетъ развиваться въ ту же сторону, при чемъ все полнѣе устраняются еще существовавшіе тамъ пережитки индивидуализма и авторитарности [1]). Во-вторыхъ, и пролетарская семья, первоначально не отличающаяся отъ мѣщанской, изъ которой произошла, шагъ за шагомъ, какъ мы указывали, реформируется въ духѣ товарищескихъ отношеній—важный положительный результатъ такого мрачнаго явленія, какъ эксплуатація капиталомъ женскаго и дѣтскаго труда.

---

[1]) Такъ, положеніе должностныхъ лицъ въ рабочихъ союзахъ и партіяхъ, вначалѣ значительно еще окрашенное авторитарнымъ оттѣнкомъ, затѣмъ постепенно теряетъ его, благодаря строгой выборности, опредѣленности срока службы и постоянному контролю „визовъ" коллектива. Въ товарищеской дисциплинѣ неизбѣжно должно съ теченіемъ времени растворяться индивидуальное честолюбіе. До сихъ поръ, однако, сохраняется во многихъ рабочихъ организаціяхъ институтъ „лидерства", т. е. не формальнаго, а фактическаго подчиненія многихъ отдѣльнымъ авторитетамъ—институтъ, совершенно необходимый для буржуазныхъ организацій при анархичномъ индивидуализмѣ ихъ членовъ, но безусловно вредный для рабочаго класса на нынѣшней ступени его развитія. Но и этотъ институтъ въ рабочей средѣ уже склоняется къ упадку.

Но товарищеская связь не только расширяется, а также углубляется соціальными силами развитія. Возрастаетъ количество того жизненнаго содержанія, которое является общимъ для членовъ коллектива. Въ такомъ направленіи дѣйствуетъ и прогрессъ техники, и классовая борьба. Усовершенствованные способы производства требуютъ отъ работниковъ гораздо меньше спеціализированной ручной ловкости, чѣмъ во времена мануфактуры, и даже чѣмъ на раннихъ стадіяхъ машинной техники, но они требуютъ отъ него все больше общей интеллигентности. Ему необходима не простая какая-нибудь грамотность, а сознательное и толковое отношеніе къ различнымъ механическимъ аппаратамъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло, пониманіе сущности ихъ устройства и способа ихъ работы, условій, которыя могутъ нарушить ихъ функцію, опасностей, связанныхъ съ этими нарушеніями, и т. под. Его психика должна быть гибкой и эластичной, чтобы легко справляться и съ новыми усовершенствованіями въ привычныхъ уже машинахъ, и съ переходомъ къ другимъ машинамъ—явленіями столь обычными при стремительномъ движеніи научной техники съ одной стороны, при частыхъ колебаніяхъ рабочаго рынка, вынуждающихъ искать новаго заработка—съ другой. Все вмѣстѣ обусловливаетъ нѣкоторый общеобязательный для рабочихъ интеллектуальный уровень, ниже котораго начинается соціальное безсиліе, нежизнеспособность, хроническое пребываніе въ безработной арміи. Этотъ общій уровень повышается съ техническимъ прогрессомъ, съ усложненіемъ научныхъ методовъ производства [1]). Онъ поддерживается и упрочивается постояннымъ общеніемъ рабочихъ массъ, объединяемыхъ властью капитала въ нынѣшнихъ грандіозныхъ предпріятіяхъ; и будучи, притомъ, основанъ на одномъ и томъ же коллективно-трудовомъ опытѣ, онъ увеличиваетъ взаимное пониманіе работниковъ, углубляя ихъ товарищескую связь возрастающей суммою коллективныхъ переживаній.

---

[1]) Этотъ уровень имѣетъ огромное вліяніе на успѣхи разныхъ капиталистическихъ странъ въ ихъ конкурренціи: побѣждаютъ тѣ страны, гдѣ онъ оказывается выше. Даже нѣкоторые буржуазные экономисты признаютъ, что экономическими побѣдами на міровомъ рынкѣ Германія въ значительной мѣрѣ обязана своему передовому, сознательному соціаль-демократическому пролетаріату.

Классовая борьба усиливаетъ со своей стороны эту тенденцію. Защита общихъ интересовъ порождаетъ еще новое, и богатое коллективно-классовое содержаніе опыта. Общія стремленія и требованія, усилія и попытки, побѣды и пораженія—массовыя радости и печали, все это, переживаемое совмѣстно, превращается въ прочный цементъ единенія, въ надежную спайку товарищеской солидарности.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что именно товарищеское сотрудничество является для рабочаго класса его специфической формою организаціи. Никакой другой классъ не развивалъ ее въ такихъ, какъ онъ, или сколько-нибудь близкихъ размѣрахъ; никакой другой классъ не проникался ею такъ полно, какъ онъ, въ силу основныхъ условій своего существованія; только среди пролетаріата она непрерывно и неуклонно оттѣсняетъ и поглощаетъ иныя формы соціальной связи.

XIX.

Тотъ уровень интеллигентности, котораго требуетъ отъ рабочихъ техническая необходимость, какъ мы видѣли, отнюдь не сводится къ простой грамотѣ, но также не ограничивается узкоспеціализированнымъ знаніемъ какой-либо частной области трудового опыта, а заключаетъ въ себѣ извѣстную сумму элементовъ общаго знакомства съ условіями современной техники, общаго ея пониманія. Оно пріобрѣтается обыкновенно не въ томъ или иномъ учебномъ заведеніи, а въ самой производственной практикѣ и въ живомъ общеніи съ товарищами по работѣ; но именно потому въ большинствѣ случаевъ имѣетъ неоформленный и незаконченный характеръ, страдаетъ пробѣлами и недостаткомъ систематизаціи.

Борьба экономическая и политическая въ свою очередь порождаетъ потребность въ пониманіи соціальныхъ условій; и опять-таки, это не есть потребность въ спеціализированномъ ихъ знаніи, которое бы охватывало какую-нибудь отдѣльную ихъ область; такое знаніе было бы недостаточнымъ, потому что борьба чрезвычайно сложна, многосторонняя, и ходъ ея зависитъ не отъ частной группы условій жизни класса и общества, а отъ всей ихъ

совокупности, опредѣляющей собою перемѣнныя соотношенія силъ. Здѣсь также до сихъ поръ, несмотря на развитіе соціально-образовательной дѣятельности рабочихъ организацій, фактически преобладаетъ почти повсюду тотъ же неоформленный способъ просвѣщенія: сама практика борьбы, товарищескія бесѣды, болѣе или менѣе случайное чтеніе книгъ и газетъ, да еще—зачастую не менѣе случайныя рѣчи агитаторовъ разныхъ партій во время выборовъ, стачекъ и т. под.

Итакъ, обобщенныя техническія, и дальнѣйшее ихъ обобщеніе—естественно-научныя знанія, а рядомъ съ этимъ—соціально-научное образованіе, то и другое въ непрерывно повышающемся масштабѣ,—вотъ требованія, которыя предъявляетъ къ рабочимъ ихъ коллективная практика для успѣшнаго выполненія какъ ихъ непосредственно-трудовой функціи, такъ и ихъ общественно-исторической миссіи. Отсюда легко выводится первая культурно-историческая задача рабочаго класса и нашей эпохи, задача, которую мы, за неимѣніемъ лучшаго термина, обозначимъ пока словами: демократизація научнаго знанія.

Это далеко не та демократизація, о которой мечтаютъ наши буржуазные и наши интеллигентскіе культуртрегеры, съ ихъ возвышеннымъ идеаломъ всеобщаго обученія грамотѣ и широкаго распространенія невинныхъ популярныхъ книжекъ и невинныхъ популярныхъ лекцій. Безспорно, грамота необходима рабочему, какъ орудіе общенія и обученія, а невинная популяризація приноситъ ему также свою пользу,—но это задачи отнюдь не характерныя ни для даннаго класса, ни для нашей эпохи. Онѣ выдвигались уже самымъ фактомъ перехода феодальнаго общества въ буржуазное, и первымъ носителемъ ихъ выступаетъ буржуазія, крупная, а особенно мелкая, съ ея интеллигенціей. Всеобъемлющая хозяйственная роль обмѣна, съ его денежными знаками, съ его счетными и кредитными документами, дѣлаетъ грамотность элементарно-необходимымъ условіемъ для личности въ ея борьбѣ среди общества за свое существованіе; ни для кого не тайна, какую огромную помощь въ дѣлѣ разоренія деревни оказываетъ кулакамъ, прижимистымъ помѣщикамъ, мелкимъ властямъ и прочимъ представителямъ разныхъ способовъ накопленія безграмотность крестьянской массы.

Что же касается азбучной популяризаціи различныхъ спе-

ціальныхъ знаній, то и этотъ идеалъ диктуется съ одной стороны возрастающимъ ихъ значеніемъ для судьбы индивидуальныхъ хозяйственныхъ ячеекъ (возьмите, напр., отношеніе гигіены къ условіямъ жизни горожанина, или юридическихъ знаній—къ судьбѣ ограбляемаго всѣми крестьянина), съ другой стороны—потребностью въ свободной спеціализаціи: начально-популярное ознакомленіе съ различными отраслями знаній есть путь выбора спеціальности и необходимый шагъ къ тому, чтобы овладѣть ею. Вотъ почему находившіяся въ благопріятныхъ условіяхъ мелкобуржуазныя страны, какъ Швейцарія, Норвегія, отчасти Финляндія и Данія, могли стать такимъ раемъ начальнаго обученія и мелкой популяризаціи. Но для рабочаго класса все это далеко недостаточно, потому что его задачи сложнѣе и шире.

Существующія до сихъ поръ популяризаціи знаній постоянно лишь частичны: сама система знаній еще слишкомъ раздроблена силою царившей до сихъ поръ спеціализаціи. Отсюда вытекаетъ также значительная отвлеченность обычныхъ методовъ популярнаго изложенія: тотъ живой опытъ, который она объединяетъ, берется каждый разъ изъ ограниченной сферы, разсматриваемой изолированно, внѣ связи съ общей системой человѣческаго труда. Эта основная абстрактность остается, какъ бы ни были ярки и конкретны примѣняемыя иллюстраціи; различныя части общественнаго сознанія, каковы, напр., отдѣльныя науки, принимаются, какъ нѣчто самодовлѣющее, само по себѣ истинное и цѣнное. Тутъ нѣтъ вины популяризаторовъ,—такова сама наука, которой они служатъ. Можно встрѣтить человѣка, всю жизнь занимающагося математикой или астрономіей, но совершенно не представляющаго себѣ ни той гигантской трудовой основы, на которой онѣ возникли, ни той грандіозной организующей роли, которую онѣ выполняютъ въ коллективной борьбѣ человѣчества за власть надъ природою. Въ популярныхъ изложеніяхъ эта разорванность знанія еще сильнѣе, потому что меньше матеріаловъ фактовъ, который они могутъ дать, уже базисъ, на который каждое изъ нихъ опираются, и меньше пунктовъ объективнаго соприкосновенія съ другими областями знанія и практики. Слѣдовательно, на этомъ пути рабочимъ нельзя получить того объединяющаго научнаго выясненія, которое давало бы имъ общее пониманіе смысла и связи какъ различныхъ техническихъ методовъ,

примѣняемыхъ въ производствѣ ихъ собственными руками, такъ и различныхъ соціальныхъ соотношеній, экономическихъ и идейныхъ, имѣющихъ значеніе для ихъ организаціонно-классовой дѣятельности и судьбы.

Если же рабочій будетъ стремиться самъ собрать во-едино разрозненные клочки цѣлаго, которые онъ найдетъ въ нынѣшнихъ популяризаціяхъ, то огромность этой работы окажется въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ограниченностью его свободнаго времени. Ему приходится тогда изучить очень большое число популярныхъ сочиненій по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, да еще при этомъ изученіи собственными единоличными усиліями уловить и для себя формулировать ихъ связь. Возьмите нынѣшніе каталоги для самообразованія рабочихъ, даже наиболѣе умѣло составленные, и подсчитайте, сколько надо потратить времени, чтобы внимательно и серьезно перечитать то, что въ нихъ указано. Вы увидите, что развѣ лишь при исключительно благопріятныхъ условіяхъ рабочему удается одолѣть этотъ матеріалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, напр., при хорошихъ заработкахъ, время отъ времени прерываемыхъ стачками и безработицей—этими своеобразными вакаціями труда въ капиталистической системѣ. А затѣмъ—самостоятельное возсозданіе цѣлаго изъ обрывковъ, хотя бы и при большомъ досугѣ, требуетъ, очевидно, весьма необычныхъ способностей.

Такимъ образомъ, задача пролетарской демократизаціи знанія отнюдь не равносильна хорошему популярному изложенію существующаго запаса научныхъ данныхъ такимъ, каковъ онъ есть—съ его дробленіемъ по спеціальностямъ. Дѣло идетъ о томъ, что бы иначе и заново систематизировать то, что, имѣется въ самыхъ различныхъ областяхъ накопленнаго научнаго опыта, и преодолѣть не только цеховую непонятность языка спеціальныхъ отраслей, но и самую ихъ спеціализацію, поскольку она обусловливаетъ собою разорванность системы знаній, ограниченность точки зрѣнія познающаго.

Мы пришли къ идеѣ новой энциклопедіи.

XX.

Во второй половинѣ XVIII вѣка прогрессивная буржуазія готовила свою великую революцію, энергично собирая и организуя свои силы. Она ложно п о н и м а л а значеніе идей въ жизни, но правильно ч у в с т в о в а л а ихъ могущество въ дѣлѣ организаціи. Вотъ почему передовая группа буржуазныхъ идеологовъ создала тогда знаменитую „Энциклопедію“. Это была библія новаго міровоззрѣнія, настолько цѣлостная, насколько допускало его содержаніе, неизбѣжно въ значительной мѣрѣ дробное по самой природѣ буржуазнаго опыта и мышленія. Огромное, дорогое изданіе сразу получило невиданный по тому времени успѣхъ, и разошлось во многихъ тысячахъ экземпляровъ, какъ не расходились занимательные романы. Отнынѣ освободительное движеніе получало твердую идейную опору: человѣкъ, прочитавшій и понявшій „Энциклопедію“, могъ увѣренно сказать, что онъ знаетъ свое мѣсто въ природѣ и обществѣ, знаетъ, откуда идетъ и куда, что надо человѣчеству и каждой разумной, активной личности. Насъ бы, конечно, не удовлетворили усвоенные имъ отвѣты,—но вѣдь каждая эпоха имѣетъ свою истину. „Энциклопедія“ была кристаллизованной истиной того времени.

Теперь идея „Энциклопедіи“ опять носится въ воздухѣ. Буржуазіи, конечно, она не нужна: для нея все это уже въ прошломъ, идеалы и великія усилія, просвѣтительная работа и сплоченіе подъ высоко поднятымъ знаменемъ науки. Но уже дѣлаетъ попытки созданія своей энциклопедіи *другой общественный слой*, тѣ интеллигентскія группы, которыя расположены въ промежуткѣ между буржуазіей и рабочимъ классомъ, и среди которыхъ наиболѣе важная—техническій персоналъ служащихъ въ промышленныхъ и научныхъ предпріятіяхъ. Это общественный слой, какъ намъ извѣстно, экономически несамостоятельный, который одной своей стороною тяготѣетъ къ господствующимъ классамъ, другою—къ пролетаріату, продолжая еще сохранять многія черты мелкой буржуазіи, изъ которой онъ произошелъ. Но пока онъ все-же далекъ отъ окончательнаго разложенія, и среди борьбы двухъ великихъ классовъ, когда между ними временно устанавливается приблизительное равновѣсіе силъ, пріобрѣтаетъ нерѣдко значительное вліяніе на ходъ общественной жизни. На этой основѣ

развивается чрезмѣрно-высокая оцѣнка своей соціальной роли, а особенно — иллюзія надъ-классовой самостоятельности и руководящаго положенія въ культурной работѣ. Стремленіе дать всему обществу истинную, общеобязательную культуру порождаетъ и тѣ „Энциклопедическія“ попытки, о которыхъ идетъ дѣло. Сюда относятся различныя „научно-философскія библіотеки“, издательскія предпріятія, типомъ которыхъ можетъ служить очень извѣстная и весьма содержательная французская „библіотека“ подъ редакціей Гюстава Ле-Бона.

Но легко догадаться, что соотвѣтственно различію историческаго значенія тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя скрываются за двумя культурными явленіями, новѣйшія интеллигентскія „энциклопедіи“ не могутъ итти ни въ какое сравненіе съ „Энциклопедіей“ народившагося буржуазнаго общества. Въ нихъ нѣтъ того могучаго духа борьбы, того единства боевого просвѣтительнаго настроенія, которое проникало великую работу XVIII вѣка во всемъ ея разнообразномъ содержаніи. Нечего и говорить, что для пролетарія онѣ не могутъ служить замѣною той новой „Энциклопедіи“, которая ему необходима. Въ нихъ все еще глубоко сказывается вліяніе цеховой интеллигентской спеціализаціи, — онѣ сравнительно огромны по объему, разрозненны по содержанію, и даже въ большей части случаевъ недостаточно популярны по формѣ. Въ нихъ нѣтъ и единства точки зрѣнія: таковъ индивидуализмъ интеллигента, что онъ непремѣнно долженъ проявить оригинальность мысли, и обязательно въ видѣ коренныхъ несогласій со своими сотрудниками; нѣтъ стремленія столковаться и, объединивши свой опытъ, прійти къ общей позиціи. Въ нихъ не только не хватаетъ коллективизма по ихъ внутреннему содержанію, но и по самому способу работы: это — гораздо больше собранныя вмѣстѣ индивидуальныя произведенія, чѣмъ произведенія коллективныя.

По своему богатому научному матеріалу и по множеству удачныхъ обобщеній частнаго характера они могутъ, однако, сыграть полезную подготовительную роль для выработки Новой Энциклопедіи, особенно въ той ея части, которая будетъ посвящена техникѣ и естествознанію.

XXI

Итакъ, въ Новой Энциклопедіи должна быть устранена коренная абстрактность стараго познанія: его разорванность и оторванность отъ широкой практики человѣческаго коллектива. Теперь наука и философія должны быть представлены въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ станутъ дѣйствительно понятны трудящемуся человѣчеству: какъ созданныя въ историческомъ сотрудничествѣ поколѣній орудія организаціи коллективной дѣятельности людей. Подобно тому какъ нельзя вполнѣ понять живое существо внѣ его связи съ предками и его естественной обстановки, такъ нельзя вполнѣ овладѣть идеей, научной или философской, внѣ ея происхожденія изъ соціальнаго опыта и внѣ ея практически-организующей функціи. Вы можете встрѣтить ученаго математика, глубоко сжившагося со своей спеціальностью, и воспринимающаго ея символы какъ настоящія, самостоятельныя реальности. Нетрудно догадаться, насколько сознательно и полезно будетъ способенъ дѣйствовать подобный человѣкъ въ той великой борьбѣ, гдѣ сурово сталкиваются истинныя реальности—организованныя соціальныя силы. А уклониться отъ этой борьбы—не зависитъ отъ воли отдѣльной личности, хотя бы она и пожелала, сознавая свою непригодность,—при чемъ такая оцѣнка тоже лишь исключеніе.

По отношенію къ исторіи, къ соціальнымъ наукамъ марксизмъ успѣлъ уже выполнить такую реформу, о какой идетъ рѣчь: выясненіе связи вырабатываемыхъ ими идей и понятій съ соціальной практикой, особенно классовой. Однако и здѣсь для энциклопедіи потребуется пополненіе ряда пробѣловъ, оставленныхъ имѣющимися до сихъ поръ изслѣдованіями марксистовъ историковъ и соціологовъ. Чаще всего до сихъ поръ выяснялось соотношеніе тѣхъ или иныхъ научныхъ концепцій съ классовыми *интересами*, ихъ выгодность для того или иного класса; гораздо рѣже заботятся объ установленіи зависимости тѣхъ же концепцій отъ классового *способа мышленія*, и этого способа мышленія—отъ условій практики—труда и соціальной борьбы: та сторона историко-матеріалистическаго метода, которая намѣчена Марксомъ, напр., въ ученіи о мѣновомъ фетишизмѣ, послѣ него

развивалась очень мало,—а между тѣмъ она наиболѣе важная по своему объяснительному значенію.

Еще гораздо хуже обстоитъ дѣло съ естественными науками и математикой. Для меня долго представлялся необъяснимымъ тотъ спокойный эклектизмъ, съ которымъ большинство теоретиковъ-марксистовъ отбрасываетъ самую мысль объ анализѣ этихъ областей идеологіи съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, съ точки зрѣнія зависимости методовъ познанія отъ методовъ техники и общественной борьбы. Дѣло и для насъ, разумѣется, идетъ не о томъ, чтобы выводить теоремы изъ экономическихъ отношеній. Но мы убѣждены, что способы и пріемы, которыми оперируетъ познающій, изслѣдуя и группируя данныя опыта, не выдумываются индивидуально, а вырабатываются коллективно-исторически, и только оформливаются отдѣльными личностями: руководящіе принципы, которымъ подчиняется человѣческое мышленіе, научное и обыденное, зарождаются не въ воображеніи геніевъ, а въ той сферѣ, гдѣ непосредственная жизненная необходимость вынуждаетъ и опредѣляетъ развитіе—въ технически-трудовой.

Такъ, совершенно несомнѣнно, что великій научный и въ то же время философскій принципъ энергіи—энтропіи есть непосредственно перенесенный въ познаніе принципъ машиннаго производства.[1]) Но объ этомъ вы скорѣе прочитаете у анархиста Кропоткина, чѣмъ у нынѣшнихъ оффиціальныхъ теоретиковъ марксизма. Между тѣмъ, всякая „популяризація“ закона энергіи безжизненна и схематически-пуста, если въ ней нѣтъ пониманія этой его соціальной сущности.

Возьмемъ другіе примѣры—можетъ быть, менѣе безспорные, но отчетливо поясняющіе то направленіе, въ которомъ надо выполнить реформу изложенія научныхъ идей.

Основу аналитической геометріи составляетъ, какъ извѣстно, отнесеніе пространственныхъ элементовъ къ заранѣе опредѣлен-

[1]) Превращеніе однѣхъ силъ природы въ другія, принципъ энергетики, это и есть прямо то, что на практикѣ дѣлаетъ машина въ производствѣ. Законъ энтропіи говоритъ о невозможности полнаго превращенія силъ природы въ тѣ формы, которыя могутъ быть использованы человѣкомъ,—о постоянномъ частичномъ разсѣяніи энергіи въ видѣ теплоты: прямое выраженіе объективныхъ предѣловъ, на которые постоянно наталкивается машинное производство.

нымъ системамъ координатъ. При этомъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ примѣняются либо прямоугольныя, либо полярныя координаты; т.-е., берется три сходящіяся подъ прямымъ угломъ прямыя, и положеніе изучаемой точки опредѣляется либо ея кратчайшими разстояніями отъ каждой изъ трехъ плоскостей, лежащихъ между этими прямыми,—либо ея разстояніемъ по прямой линіи отъ центра—точки пересѣченія координатъ, и величиною угловъ, которые эта прямая образуетъ съ тѣми же самыми плоскостями. Теперь, можно ли считать простой случайностью тотъ несомнѣнный фактъ, что въ технической практикѣ система трехъ прямоугольныхъ координатъ была реализована тысячи милліоновъ разъ раньше того, какъ она была сдѣлана схемою геометрическаго анализа? Ибо она въ точности воспроизводится каждымъ угломъ каждаго четыреугольнаго зданія, и слѣдовательно является прежде всего элементарной схемою построекъ. И можно ли отвергнуть значеніе для данной науки того факта, что еще первобытный охотникъ практически примѣнялъ методъ полярныхъ координатъ, когда искалъ себѣ дорогу въ дѣвственныхъ лѣсахъ и степяхъ, оріентируясь по солнцу и по звѣздамъ? Онъ инстинктивно опредѣлялъ направленіе, основываясь на величинѣ угловъ между своими лучами зрѣнія, обращенными къ солнцу, къ горизонту, къ знакомымъ звѣздамъ, къ далекимъ горамъ, и т. под.; а эти углы геометрически представляютъ не что иное, какъ именно элементы полярныхъ координатъ.

Аналитическая алгебра основана на счисленіи безконечно-малыхъ величинъ. Понятіе о безконечно-малыхъ возникло еще въ классической древности, и однако древніе не съумѣли создать дифференціальнаго и интегральнаго счисленія. Почему такъ случилось? Ближайшую причину отыскать легко: по различнымъ замѣчаніямъ древнихъ философовъ съ несомнѣнностью можно видѣть, что безконечно-малыя внушали имъ своеобразное отвращеніе (равно какъ и безконечно-большія). Я не стану здѣсь разбирать вопроса о томъ, чѣмъ порождалось это отвращеніе. Но несомнѣнно, что вѣкѣ въ XVI—XVII, несмотря на все уваженіе къ древней философіи, подобнаго отвращенія уже не было. Почему оно исчезло? Идея безконечно-малой выражаетъ, какъ извѣстно, лишь стремленіе неограниченно уменьшать какую-либо данную величину. И вотъ, именно съ XV—XVI вѣка такое стремленіе воз-

никло въ самой технической практикѣ, и стало чрезвычайно важнымъ для нея. То была эпоха зарожденія міровой торговли, опирающейся на океаническое мореплаванье, и эпоха перваго распространенія мануфактуръ. Для мореплаванья огромное значеніе пріобрѣла точность ориентировки, для промышленности—точность приготовленія инструментовъ. Минимальная ошибка въ линіи курса при путешествіяхъ на тысячи верстъ по великимъ воднымъ пустынямъ угрожала не только усложненіемъ и замедленіемъ труднаго пути, но зачастую даже гибелью всей „транспортной мануфактуры“ — корабля съ его экипажемъ. Стремленіе уменьшить эту ошибку до практически-ничтожной стало жизненно-насущнымъ. Въ мануфактурѣ также минимальныя ошибки и неточности въ инструментахъ имѣли большое реальное значеніе. Если въ ремесленной мастерской работнику, выполняющему свое дѣло при помощи цѣлаго ряда различныхъ орудій, приходилось каждымъ изъ нихъ сдѣлать, положимъ, нѣсколько десятковъ движеній въ часъ, а то и меньше, то въ мануфактурѣ, съ ея крайнимъ раздѣленіемъ труда, работникъ, оперируя все однимъ и тѣмъ же инструментомъ, производитъ съ нимъ тысячи однообразныхъ движеній за такое же время. Неуловимая для глаза погрѣшность въ устройствѣ орудія, оказывая свое вліяніе тысячи и тысячи разъ, порождаетъ весьма замѣтное ухудшеніе въ результатахъ работы—въ количествѣ продукта, въ степени утомленія работника, и т. д. Всякую неровность и асимметрію инструмента требуется уменьшить насколько это возможно, не удовлетворяясь окончательно любой достигнутой степенью,—т.-е. требуется сводить къ безконечно-малой величинѣ. Естественно, что античное, презрительное отношеніе къ безконечно-малымъ должно было исчезнуть и смѣниться живымъ интересомъ: новые мотивы, чуждые древнему міру, были порождены новой соціально-трудовой практикой [1]).

[1]) Насколько интенсивенъ былъ этотъ интересъ, показываютъ тѣ огромныя усилія, которыя тогда дѣлались для приготовленія мощныхъ увеличивающихъ инструментовъ. Приготовлялись неуклюжія астрономическія трубы футовъ во 100 и болѣе длины; а одна изъ лупъ Лёвенчука увеличивала въ 2000 разъ; видѣть въ нее, конечно, нельзя было почти ничего, благодаря темнотѣ поля зрѣнія, такъ что весь трудъ, на нее потраченный, имѣлъ почти лишь символическій смыслъ—выражалъ стремленіе, такъ сказать, глазами уловить безконечно-малыя.

Обыкновенно разсматриваютъ какъ случайность или даже курьезъ ту особенную роль, которую сыграла соціологическая теорія Мальтуса въ генезисѣ теоріи Дарвина. Между тѣмъ, концепція „борьбы за существованіе", понимаемой въ смыслѣ конкурренціи, вовсе не была, разумѣется, изобрѣтеніемъ Мальтуса: это—весьма общая форма мышленія, непосредственно данная самою буржуазно-классовой практикой, экономической жизнью рынка. Тѣмъ же объясняется и обратный переходъ дарвинизма въ соціологію, гдѣ онъ примѣняется въ качествѣ буржуазной апологетики.

Наши иллюстраціи показываютъ, какъ уже теперь, отрывочно и несистематично, обнаруживается въ разныхъ областяхъ познанія соціально-трудовая его природа. Эту отрывочность и безсистемность новая энциклопедія должна замѣнить всесторонникъ и цѣлостнымъ выясненіемъ той связи, о которой идетъ рѣчь. Тутъ потребуется огромная и трудная коллективная работа по самымъ различнымъ отраслямъ знанія.

XXII.

Многіе спеціалисты, вѣроятно, скажутъ, что предлагаемая нами реформа въ способахъ изложенія и освѣщенія наукъ просто смѣшиваетъ науку съ ея исторіей, представляемой съ точки зрѣнія соціальнаго матеріализма. Они будутъ утверждать, что для познанія выгодно раздѣленіе этихъ двухъ его сторонъ, что объективное содержаніе научныхъ понятій вовсе не зависитъ отъ ихъ соціальнаго происхожденія, и должно даваться въ популяризаціяхъ совершенно отдѣльно отъ него, именно въ интересахъ упрощенія, облегченія дѣла; въ противномъ же случаѣ на изучающаго возлагается сразу двойная задача, весьма разнородная въ двухъ своихъ частяхъ,—и это должно запутать и затруднить его. Нельзя отрицать, что для спеціалистовъ, для людей отвлеченнаго познанія и съуженной практики, такое отношеніе къ данному вопросу не только естественно, но также и правильно: ихъ мышленіе неизбѣжно будетъ спутываться и теряться при всякой попыткѣ воспринимать научныя идеи, какъ живыя формы,

имѣющія опредѣленную исторію, опредѣленное мѣсто въ соціальномъ процессѣ, а не какъ мертвыя, застывшія схемы.

Но вѣдь не для этихъ абстрактныхъ людей и предназначается новая демократизація знаній,—а для людей широкой, конкретной, сознательно-преобразующей міръ практики. Для „филистера спеціальности“ (выраженіе Маха) новая энциклопедія будетъ столь же мало поучительнымъ и непріятнымъ чтеніемъ, какъ безбожная энциклопедія XVIII вѣка — для вѣрныхъ католиковъ того времени.

Совершенно невѣренъ тотъ взглядъ, будто объективное содержаніе научной идеи не зависитъ отъ ея генезиса, и можетъ быть усвоено полно и точно безъ отношенія къ нему. Мысль есть живое орудіе практики, а все живое постигается глубоко и прочно только понятое въ его развитіи. Въ сущности, даже мертвымъ орудіемъ, такимъ какъ машина, нельзя законченно овладѣть, зная его лишь статически, въ его данномъ устройствѣ и примѣненіи, внѣ связи съ исторіей его выработки изъ другихъ орудій. Можно, разумѣется, научить солдата стрѣлять изъ магазиннаго ружья, не объясняя ему происхожденія этой удивительной машины; но вѣдь можно, пожалуй, не объяснять ему и самаго механизма, а обучить его только правиламъ заряжанія, прицѣла и т. д. Это будутъ разныя степени несовершенства въ отношеніи человѣка къ орудію. Во второмъ случаѣ, малѣйшей порчи, малѣйшаго разстройства въ механизмѣ будетъ уже достаточно, чтобы онъ сталъ безполезенъ, потому что тотъ, кто его примѣняетъ, абсолютно неспособенъ исправить нарушеніе. Въ первомъ же случаѣ дѣло, конечно, не такъ плохо; но полнаго пониманія механизма все-же на-лицо нѣтъ; все дальнѣйшее усовершенствованіе орудія остается въ рукахъ немногихъ спеціалистовъ, знающихъ пути, которыми шла техника въ развитіи этого и другихъ механизмовъ, и способныхъ пользоваться разными комбинаціями или варіаціями раньше примѣнявшихся методовъ: базисъ техническаго прогресса съуженъ, коллективное творчество, идущее къ великому черезъ накопленіе неуловимо-малыхъ величинъ, ограничено и ослаблено. Къ орудіямъ живымъ—понятіямъ, идеямъ—все это относится еще въ несравненно большей степени; здѣсь сознательность болѣе глубокая, охватывающая не только

статику орудія, но и его динамику, его исторію, гораздо необходимѣе. Знать описательную анатомію и даже описательную физіологію живого существа еще не значитъ понимать его жизнь, познавательно овладѣть ею, предвидѣть условія и возможности ея развитія. Такъ же недостаточно знать содержаніе идеи, какимъ оно является въ данный моментъ: въ ея прошломъ лежитъ ключъ къ ея будущему.

Уже Эрнстъ Махъ въ нѣкоторыхъ своихъ монографіяхъ, какъ „Механика", „Ученіе о теплотѣ", соединяетъ изложеніе науки съ изложеніемъ хода ея развитія, въ результатѣ чего получается разрушеніе многихъ укоренившихся въ наукѣ предразсудковъ и фетишей, загромождающихъ познаніе. Но и этотъ лучшій изъ идеологовъ интеллигенціи далекъ отъ мысли систематически связывать измѣненія научныхъ идей и методовъ съ условіями и потребностями соціально-трудового процесса, хотя въ общей формѣ онъ и признаетъ эту связь. Для насъ же именно въ ней суть дѣла: она одѣнетъ абстрактныя понятія плотью и кровью той жизни, изъ которой они рождаются, органическую часть которой они составляютъ. Сведя экономическую жизнь общества къ ея коллективно-трудовой основѣ, Марксъ показалъ способы предвидѣть ходъ экономическаго развитія. Сведя познаніе къ его коллективно-трудовой основѣ, мы найдемъ способы предвидѣть ходъ познавательнаго развитія. Здѣсь мы также получимъ возможность направлять свою работу съ объективнымъ ходомъ историческаго процесса.

Невѣрно было бы думать, что науки въ новомъ ихъ освѣщеніи будутъ изучаться съ большимъ трудомъ, чѣмъ въ ихъ теперешнемъ, отвлеченномъ видѣ. Для людей практики онѣ будутъ гораздо понятнѣе, какъ организующія формы практической жизни, чѣмъ оставаясь голыми схемами абстрактнаго міра истинъ. Это будетъ не усложненіе, а напротивъ, упрощеніе науки [1]). Не только

[1]) Въ нѣкоторыхъ современныхъ руководствахъ по математикѣ указывается значеніе различныхъ ея методовъ для другихъ научныхъ областей, отношеніе извѣстныхъ ея функцій къ опредѣленнымъ группамъ явленій природы. Это не только не затрудняетъ, но значительно облегчаетъ изученіе, и конечно—углубляетъ пониманіе науки. Разумѣется, тутъ далеко еще нѣтъ того, что мы ставимъ цѣлью,—изслѣдованья научныхъ истинъ и методовъ въ ихъ живомъ генезисѣ, въ ихъ развитіи изъ общей практики человѣчества; но все-же тутъ несомнѣнный шагъ въ эту сторону, а дальнѣйшіе шаги дадутъ гораздо больше какъ для оживленія, такъ и для углубленія абстрактныхъ наукъ.

въ философіи, но даже въ естествознаніи цѣлый рядъ вопросовъ возникаетъ благодаря именно оторванности мышленія отъ практики; и эти вопросы отпадаютъ при возстановленіи связи обѣихъ частей опыта.

Такъ напр., концепція „энергіи“ до сихъ поръ представляется въ „позитивной“ наукѣ чѣмъ-то таинственнымъ или, по меньшей мѣрѣ, спорнымъ. Имѣются два крайнихъ ея пониманія, субстанціальное и символическое, а между ними рядъ промежуточныхъ оттѣнковъ. Для однихъ это—нѣкоторая „сущность“, заключенная внутри явленій, въ опредѣленныхъ количествахъ, изъ чего иные дѣлаютъ даже выводъ о томъ, что сумма ея въ природѣ ограниченна; для другихъ это—чистый символъ, примѣняемый для удобства въ группировкѣ явленій. Оба эти взгляда, какъ и всѣ промежуточные между ними, сразу должны быть отброшены, какъ только мы поймемъ, что „энергія“—это просто техническій принципъ машиннаго производства; и сущность ея заключается въ томъ, что общество, подчиняя себѣ природу, одни ея процессы дѣлаетъ источникомъ для полученія другихъ процессовъ; въ этомъ и состоитъ „энергетическая“, т. е. соціально-практическая эквивалентность явленій. Передъ нами, значитъ, не „субстанція“ природы, но и не простой символъ, а опредѣленное, активно-цѣлесообразное отношеніе къ ней со стороны трудящагося и познающаго коллектива.

На такомъ пути создается цѣлостное міровоззрѣніе, въ основѣ котораго лежитъ работа, реально преобразующая міръ.

XXIII.

Читатель видитъ, какая грандіозная работа во всѣхъ областяхъ знанія потребуется для Новой Энциклопедіи. Онъ спроситъ, конечно, какими силами эта работа будетъ выполнена. Вопросъ очень нелегкій, если взвѣсить количество и характеръ элементовъ, теоретически работающихъ надъ пролетарской идеологіей въ настоящее время.

Мы указывали, что для классового развитія вполнѣ безразлично, будетъ ли та или иная организующая его опытъ идея

формулирована человѣкомъ, экономически принадлежащимъ къ данному классу, или же случайнымъ пришельцемъ, соціально къ нему примыкающимъ въ его борьбѣ, напр., какъ это было нерѣдко для рабочаго класса—„бѣлымъ ворономъ", перелетѣвшимъ изъ буржуазной интеллигенціи. Но когда дѣло идетъ о полномъ и цѣлостномъ воплощеніи всего міропониманія даннаго класса, объ его энциклопедіи, то нельзя просто положиться на то, что „потребность создастъ органъ, ее удовлетворяющій", что сами собой найдутся въ достаточномъ количествѣ, положимъ, ученые „бѣлые вороны", которые съумѣютъ выполнить трудную культурную работу. Болѣе того,—это именно тотъ случай, когда надо заранѣе принять, что задача не можетъ быть рѣшена безъ широкаго, преобладающаго прямого участія чистыхъ представителей класса, коренныхъ элементовъ коллектива.

Въ чемъ состоитъ задача? Въ томъ, чтобы послѣдовательно и систематично связать итоги и методы современнаго знанія съ коллективно-трудовымъ опытомъ рабочаго класса. Для этого, очевидно, требуется не только владѣть результатами, которыхъ успѣли достигнуть наука и философія, но также воспринимать глубоко и ярко классовой опытъ. Въ какой мѣрѣ это возможно для большинства *пришлыхъ* теоретиковъ коллектива?

Основное поле жизни пролетарія—техническій процессъ или производство. Изъ его отношеній возникаетъ другая, неразрывная съ первою, сфера дѣятельности: соціальная борьба, экономическая и политическая. Въ этихъ двухъ областяхъ протекаетъ коллективный опытъ, который долженъ организоваться въ формахъ новой культуры. Для подавляющаго большинства идеологовъ-интеллигентовъ, примыкающихъ къ пролетаріату, одна изъ этихъ областей остается почти чуждой, и притомъ какъ разъ основная—область трудовой техники. Это обыкновенно люди спеціализированные на „соціальныхъ вопросахъ"; ихъ знакомство съ физической стороной производства большей частью приближается къ безконечно-малой величинѣ, а знакомство съ его ближайшей идеологіей—техническими науками, естествознаніемъ—рѣдко бываетъ сколько-нибудь серьезнымъ и глубокимъ. Но даже и въ сферѣ ихъ спеціальности—общественно-научныхъ вопросовъ—связь идей съ конкретно-практической жизнью имѣетъ для нихъ далеко не столь непосредственный характеръ, какъ для на-

емнаго рабочаго, постоянно находящаго въ своей личной судьбѣ суровыя иллюстраціи къ соціально-экономическимъ и соціально-философскимъ обобщеніямъ.

Ясно, что пришлая интеллигенція, очень полезная рабочимъ организаціямъ въ ихъ политической и профессіонально-экономической дѣятельности, хотя и тамъ слишкомъ часто не безупречная со стороны тенденцій къ оппортюнизму, совсѣмъ уже недостаточна для культурнаго дѣла, объединяющаго весь жизненный опытъ рабочаго класса, сводящаго въ систему всю его практику и все мышленіе. Въ этой работѣ рѣшающая роль должна принадлежать не „варягамъ“, а новой интеллигенціи, выходящей изъ среды самого пролетаріата, но не уходящей отъ него, въ полной мѣрѣ проникнутой его общими переживаніями. Только въ зависимости отъ развитія такой интеллигенціи можетъ быть поставленъ самый вопросъ о великой Новой Энциклопедіи.

Я не хочу сказать, что исключительно руками этой новой интеллигенціи должна быть выполнена вся та огромная работа, о которой у насъ идетъ рѣчь. Но она одна можетъ придать работѣ необходимую послѣдовательность и цѣльность, внутреннее единство ясной и повсюду себѣ вѣрной классовой психологіи. Этимъ новымъ элементамъ будетъ принадлежать, можетъ быть, вовсе не такая значительная доля непосредственнаго выполненія дѣла,—но лишь ихъ фактическое руководство и контроль обезпечатъ успѣхъ, гарантируютъ побѣду надъ огромными трудностями задачи.

Однако, въ настоящее время новый руководящій слой, чисто пролетарскаго происхожденія, даже въ передовыхъ странахъ, несомнѣнно, еще не достаточно сложился и окрѣпъ, чтобы получить преобладаніе надъ пришлой интеллигенціей въ дѣлѣ культурно-классового развитія. Требуется, притомъ же, не только наличность подобнаго рода силъ, но также надлежащая ихъ организація, которая собрала бы ихъ на общей идейно-организующей работѣ. Какимъ путемъ осуществить все это?

Поставленный вопросъ приводитъ насъ къ идеѣ Пролетарскаго Университета.

Читатель легко пойметъ, что употребляя, за неимѣніемъ другого, старое названіе „Университетъ“, мы имѣемъ въ виду

организацію совершенно иного типа, чѣмъ нынѣшніе буржуазные храмы науки. Новое содержаніе нуждается въ новыхъ формахъ. Двѣ основныя черты господствующаго теперь академическаго строя, дробленіе по спеціальностямъ съ одной стороны, идейно-авторитарныя отношенія „профессоровъ“, и „студентовъ“ съ другой должны быть устранены въ Новомъ Университетѣ, или вѣрнѣе, онъ долженъ будетъ ихъ преодолѣть. Цѣль его вовсе не въ томъ, чтобы только переложить знанія тѣхъ, у кого они есть, въ головы тѣхъ, кто ими не обладаетъ, и такимъ образомъ доставить обществу нѣкоторое число профессіонально-обученныхъ спеціалистовъ интеллигентскаго труда. Задача въ томъ, чтобы среди стараго общества вырабатывать сознательныхъ и цѣльныхъ представителей общества новаго, людей, которые въ полномъ объемѣ представляли бы себѣ гигантское дѣло преобразованія, возложенное на рабочій классъ ходомъ исторіи,—которые могли бы планомѣрно создавать культурныя формы, подготовляющія это преобразованіе, организуя необходимыя для него соціальныя силы.

Въ нынѣшніе университеты принимаются большей частью мальчики, получившіе лишь отвлеченную познавательную дрессировку въ среднихъ школахъ, незнакомые съ производительнымъ трудомъ и суровою борьбой жизни,—мальчики, продолжающіе жить на чужой счетъ въ ожиданіи того момента, когда имъ придется вступить на „самостоятельный“ путь, заранѣе подготовленный и предначертанный ихъ связями въ буржуазномъ обществѣ. Не для такихъ человѣческихъ личинокъ будетъ предназначаться Новый Университетъ. Въ немъ должны завершать свою идейную выработку люди уже взрослые по существу, съ серьезнымъ опытомъ въ сферѣ труда и соціальной борьбы. Въ извѣстномъ—но отнюдь не аристократическомъ—смыслѣ слова, это будутъ люди избранные: на дѣлѣ доказавшіе и свою общественную полезность, и стойкую послѣдовательность, и упорное стремленіе къ знанію, побѣждающее неблагопріятныя условія пролетарской жизни,—работники, съ бою взявшіе свое культурное воспитаніе. Такіе „студенты“ будутъ истинными товарищами своихъ „профессоровъ“, и въ свою очередь ихъ руководителями въ выполненіи коллективно-творческой задачи.

Какимъ образомъ это возможно?—спроситъ, вѣроятно, чита-

тель,—и можетъ ли получиться что-нибудь хорошее отъ взаимнаго руководства двухъ сторонъ? Мнѣ легко разъяснить недоумѣніе, опираясь на факты, хорошо извѣстные мнѣ, и многимъ другимъ, конечно, изъ практическаго опыта культурной работы.

XXIV.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ мнѣ съ двумя-тремя товарищами пришлось въ одномъ провинціальномъ центрѣ обучать рабочую молодежь политической экономіи, а также и разнымъ другимъ наукамъ. Эти нѣсколько десятковъ юношей были, въ общемъ, далеко еще не тѣми избранными, испытанными людьми, которые должны образовать слушательскій составъ Новаго Университета. И тѣмъ не менѣе они не были пассивнымъ матерьяломъ для педагогическаго воздѣйствія, и простая добросовѣстность требовала бы отъ насъ, тогдашнихъ „учителей“, признанія, что въ системѣ преподаванія роль нашихъ „учениковъ“ была въ значительной мѣрѣ руководящею.

Мы приступали къ дѣлу съ очень небольшимъ научнымъ багажемъ и во многомъ неяснымъ представленіями о тѣхъ самыхъ соціальныхъ формахъ и тенденціяхъ, которыя были основнымъ сюжетомъ нашего преподаванія. Наша неопытность была такъ велика, что, напр., я лично пытался привести моихъ слушателей къ изложенію „Капитала“ черезъ „Экономическія бесѣды“ Карышева и „Политическую Экономію“ Иванюкова, книги, абсолютно не имѣющія ничего общаго съ марксизмомъ, и вообще абсолютно не пригодныя для нашей тогдашней цѣли. Это и было весьма скоро мнѣ выяснено моими „учениками“. Ихъ вопросы и комментаріи къ тому, что мы вмѣстѣ читали, убѣдили меня, что выбранныя „пособія“ не соотвѣтствуютъ ихъ требованіямъ, и особенно—самому складу ихъ мышленія. Объяснительное чтеніе быстро превратилось въ скучное предисловіе, за которымъ слѣдовали живыя бесѣды, далеко уходившія отъ затронутыхъ чтеніемъ темъ, и направлявшія мысль молодого лектора къ отысканію другихъ средствъ и источниковъ. Пришлось поневолѣ перейти къ составленію собственнаго курса лекцій, и въ нихъ комбини-

ровать матерьялъ въ той связи, которая навязывалась вопросами слушателей: соединять, какъ параллельныя звенья одной сложной исторической цѣпи, явленія техническія и экономическія съ вытекающими изъ нихъ фактами духовной культуры [1]). А затѣмъ, запросы „учениковъ“ шли все дальше и дальше, захватывая сложнѣйшіе сюжеты естествознанія и философіи; лекторы принуждены были сами учиться многому, о чемъ раньше имъ казалось достаточнымъ имѣть бѣглыя, поверхностныя свѣдѣнія.

Полная невозможность за короткое время передать слушателямъ фактическій матерьялъ во всѣхъ областяхъ, которыя вызывали ихъ живой интересъ, вынудила лекторовъ сосредоточивать содержаніе своихъ отвѣтовъ на методологіи тѣхъ наукъ, о которыхъ приходилось давать понятіе юнымъ вопрошателямъ. При этомъ оказывалось, что ихъ занимаетъ и привлекаетъ всего болѣе не спеціализированный характеръ различныхъ методовъ, а напротивъ, ихъ взаимная связь, то, что въ нихъ находится общаго и сходнаго. Передъ нами были какіе-то прирожденные монисты, которые требовали отъ насъ—не всегда съ успѣхомъ, разумѣется, — монистическихъ отвѣтовъ на всевозможные, проклятые и не-проклятые вопросы. Это давало опредѣленное направленіе работѣ нашей мысли; а для меня лично это въ сильнѣйшей степени предопредѣлило характеръ моей послѣдующей философской дѣятельности.

Но въ данномъ случаѣ ученики могли дать своимъ учителямъ лишь неопредѣленное и, такъ сказать, стихійное руководство. Много позже мнѣ пришлось участвовать въ культурномъ предпріятіи болѣе высокаго типа, которое можетъ разсматриваться уже какъ первый шагъ къ созданію новаго университета — въ высшей рабочей школѣ. Тамъ, конечно, и форма сотрудничества двухъ сторонъ была болѣе совершенной.

Составъ перваго выпуска школы былъ не вполнѣ однородный, потому что тѣ, отъ кого зависѣлъ выборъ слушателей, не всѣ поняли сущность и значеніе дѣла. Но все же большинство выпуска подходило къ тому типу и уровню, который мы признаемъ необходимымъ для Новаго Университета. Программа соотвѣтствовала только одной сторонѣ задачъ такого университета: она почти

[1]) Этимъ путемъ возникъ написанный мною „Краткій курсъ экономической науки“

исключительно относилась къ области соціальныхъ наукъ и соціальной философіи; другая сторона—естествознаніе — была едва затронута нѣсколькими „сверхштатными“ лекціями. Этотъ недостатокъ сознавался всѣми участниками работы; но ограниченность времени и лекторскихъ силъ не позволяла его устранить. — Что касается состава лекторовъ, то онъ былъ значительно выше, чѣмъ въ первомъ случаѣ: люди почти всѣ немолодые, каждый въ своей отрасли обладавшіе нѣкоторой извѣстностью, съ выработанными взглядами и планомъ работы.

Крайняя концентрированность занятій препятствовала, до нѣкоторой степени, тому широкому и свободному общенію лекторовъ со слушателями, какое должно будетъ установиться въ Новомъ Университетѣ. Этимъ, очевидно, съуживалась и руководящая роль коллектива „учащихся“ въ самомъ веденіи занятій. Тѣмъ не менѣе, она ярко обнаружилась уже тогда, когда устанавливалась программа и распредѣленіе курсовъ. „Ученики“ знали, чего они хотѣли отъ школы, и внесли съ своей стороны въ программу рядъ измѣненій, большая часть которыхъ оказались въ дальнѣйшемъ полезными и цѣлесообразными. Затѣмъ, при выполненіи дѣла выяснилось, что слушатели отнюдь не склонны оставаться въ рамкахъ пассивной и легкой роли „обучаемыхъ“; люди, уже раньше умѣвшіе много учиться и думать, въ общемъ довольно образованные, несмотря на различные пробѣлы въ познаніяхъ и недостатокъ ихъ систематичности, они критически воспринимали все, что имъ предлагалось, и подвергали серьезному обсужденію какъ содержаніе, такъ и форму лекцій. Университетскіе профессора, важные чиновники нынѣшняго общества, врядъ ли примирились бы съ такими отношеніями; но лектора школы вынесли не мало полезныхъ для себя указаній изъ дебатовъ со слушателями; нѣтъ сомнѣнія, что благодаря этому ни одинъ изъ курсовъ одного выпуска не будетъ стереотипно, безъ улучшеній, повторенъ слѣдующему выпуску. Это, товарищески-руководящее, вліяніе коллектива слушателей неизбѣжно будетъ возрастать съ увеличеніемъ ихъ числа, повышеніемъ уровня ихъ подготовки, и особенно—съ увеличеніемъ времени занятій, которое въ первый разъ было меньше пяти мѣсяцевъ [1]).

[1]) Послѣ того, какъ это было написано, мнѣ случилось второй разъ принять участіе въ подобномъ же образовательномъ учрежденіи. Съ удовольстві-

Впрочемъ, и Новый Университетъ, безъ сомнѣнія, не будетъ доводить продолжительности своихъ курсовъ до 4—5 лѣтъ, какъ это практикуется въ университетахъ стараго типа. Ставя себѣ цѣлью не наполненіе юныхъ головъ обширными запасами знаній, а всестороннее ознакомленіе людей, вполнѣ способныхъ къ самостоятельной работѣ, съ общими ея м е т о д а м и въ различныхъ областяхъ практики и теоріи, онъ будетъ въ состояніи ограничить свой циклъ занятій однимъ-двумя годами. Дольше будутъ оставаться тѣ, для кого успѣетъ за время курса намѣтиться конкретная лекторская, или теоретическая, или литературная задача, которую они будутъ выполнять при содѣйствіи всего лекторскаго коллектива, свѣряя сдѣланную работу съ запросами и требованіями новыхъ слушательскихъ коллективовъ, приходящихъ отъ живой пролетарской практики, и вновь къ ней возвращающихся.

Новая энциклопедія естественно сложится изъ работъ Новаго Университета, различные курсы котораго, постепенно совершенствуясь въ своемъ методѣ силою объединеннаго труда и провѣрки, послужатъ для нея основою. Тутъ она будетъ питаться опытомъ и мыслью того класса, которому она прежде всего необходима, какъ идейная опора въ собираніи силъ для его великой, надклассовой миссіи.

XXV.

Изъ всѣхъ культурныхъ задачъ нашего времени созданіе пролетарскаго искусства есть та, которая встрѣчаетъ наибольшій скептицизмъ. Иные разсматриваютъ искусство, какъ особаго рода игрушку, украшеніе жизни, неважное для соціальной борьбы, и находятъ, что пролетарскія силы не слѣдуетъ тратить въ этомъ направленіи; такъ думаютъ даже многіе изъ тѣхъ, которые способны понять жизненное значеніе другихъ областей культуры. Но мы, признавъ организующую функцію искусства въ жизни

емъ и гордостью могу сказать, что мое предвидѣніе оправдалось: вмѣстѣ съ новымъ шагомъ въ разработкѣ программы и содержанія занятій былъ сдѣланъ шагъ впередъ и въ развитіи коллективнаго характера работы, въ усиленіи взаимнаго вліянія „учащихъ“, которые въ то же время учились, и „учащихся“, которые по многомъ и учили...

коллектива, не станемъ останавливаться на такого рода скептицизмѣ; мы только отмѣтимъ, что культурное, т.-е. организующее вліяніе искусства почти всегда шире, а порою — и глубже, чѣмъ вліяніе отвлеченнаго познанія. Искусство, со своимъ конкретно-образнымъ характеромъ, ближе и понятнѣе массамъ, какъ бы демократичнѣе, чѣмъ наука. Не случайно беллетристика читается во много разъ больше, чѣмъ всякая популяризація; милліоны людей могутъ видѣть и понять одну и ту же картину; а музыка, если она сумѣетъ выразить чувство народныхъ массъ, распространяется среди нихъ такъ, какъ волны въ морѣ. Пролетаріату, который живетъ с в о е й жизнью, такой непохожей на жизнь его предшественниковъ, нужно с в о е искусство. И онъ будетъ его имѣть, такъ какъ это великій классъ, энергія котораго возрастаетъ, и творчество расширяется,—наслѣдникъ всей общечеловѣческой культуры.

Нѣкоторые полагаютъ, что суровое трудовое существованіе рабочаго класса, вмѣстѣ съ еще болѣе суровой соціальной борьбой, помѣшаютъ ему заняться созданіемъ своего искусства до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ господствующей силою среди общества. Они не отрицаютъ значенія искусства въ народной жизни, но считаютъ неизбѣжнымъ, что оно будетъ оттѣснено другими соціальными приспособленіями, болѣе непосредственно связанными съ трудомъ и борьбою, составляющими основу классовой жизни; экономическое и политическое самосознаніе класса, согласно этому мнѣнію, должны слишкомъ сильно поглотить творческую энергію рабочихъ массъ, ихъ вниманіе, ихъ волю, чтобы остался достаточный излишекъ всего этого для серьезной и глубокой жизни въ сферѣ искусства. Марксизмъ,—говорятъ эти люди,—поневолѣ не поэтиченъ, потому что онъ вынужденъ всюду срывать красивыя идеологическія оболочки, и раскрывать грубые матеріальные интересы, опредѣляющіе ходъ исторіи; къ такимъ же матеріальнымъ интересамъ апеллируетъ онъ въ цѣлѣ сплоченія пролетаріата; чтобы достигнуть цѣли, онъ долженъ бить въ одну точку, въ чемъ и заключается его спасительная узость. Но ужъ поэзіей при этомъ надо пожертвовать, и всего лучше сознательно сдѣлать это, не пытаясь итти противъ неизбѣжнаго. Вотъ, когда будутъ улажены матеріальныя отношенія общества, и экономическіе интересы перестанутъ раздѣлять людей, тогда

настанетъ время для новой поэзіи, тогда гармонія искусства закрѣпитъ новыя связи жизни. А до тѣхъ поръ пролетаріату надо удовлетворяться сухой, но необходимой прозой.

Эти взгляды насквозь пропитаны „здравымъ смысломъ", т.-е., въ сущности, мелкимъ расчетомъ. И, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, весь расчетъ основанъ на ложной предпосылкѣ,— на той идеѣ, что жизнь въ сферѣ искусства есть чистая затрата энергіи, минусъ для другихъ областей человѣческой активности. Какъ-будто коллективъ обладаетъ только нѣкоторымъ опредѣленнымъ количествомъ силъ, и если расходуетъ ихъ на одно, то на другое непремѣнно остается меньше. На самомъ же дѣлѣ, силы коллектива рождаются изъ его дѣятельности и возрастаютъ съ ея развитіемъ; чѣмъ она уже и односторонніе, тѣмъ слабѣе накопленіе классовой энергіи. Если сплоченіе класса происходитъ на болѣе ограниченномъ полѣ культуры—не выходитъ за предѣлы его экономики и политики,—то оно охватываетъ и связываетъ въ стройную систему гораздо меньшую сумму потенціальныхъ человѣческихъ силъ, чѣмъ если оно совершается на болѣе широкомъ полѣ, по всей линіи возможныхъ культурныхъ формъ. Не былъ бы геніальнымъ тотъ генералъ, который, въ виду чрезвычайныхъ трудностей похода, ради сбереженія силъ отмѣнилъ бы музыку и пѣсни въ своемъ войскѣ. Военная музыка не создаетъ въ солдатахъ новой энергіи, но она будитъ и освобождаетъ ту, которая дремлетъ въ глубинѣ организма,—и присоединяетъ ее къ обычному запасу, которымъ располагаетъ человѣческая воля.

Механически и ариѳметически взятая сумма соціальныхъ силъ, воплощенная въ рабочихъ массахъ, колоссальна; но до сихъ поръ лишь незначительная часть ихъ приняла организованную форму к о л л е к т и в н о й энергіи. Тутъ всепроникающее вліяніе новаго искусства найдетъ для себя огромный просторъ; гармонизируя чувства и стремленія массъ, оно будетъ могучимъ двигателемъ, ускоряющимъ ростъ и побѣду коллектива.

XXVI.

Я не стану говорить о формахъ этого новаго, пролетарскаго искусства; предоставляю это другимъ, болѣе меня компетентнымъ въ такихъ вопросахъ. Но что касается его содержанія, то здѣсь, не выходя изъ рамокъ соціально-философской теоріи, мы можемъ прійти къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, и устранить нѣкоторые распространенные предразсудки.

Многіе полагаютъ, что пролетарское искусство должно спеціально описывать пролетарскую жизнь—бытъ и борьбу рабочаго класса; то, что лежитъ за этими предѣлами, по ихъ мнѣнію, можетъ быть развѣ лишь по необходимости терпимо въ пролетарскомъ искусствѣ, и во всякомъ случаѣ должно занимать въ немъ второстепенное мѣсто. Такой взглядъ чрезвычайно ошибоченъ и наивенъ.

Міръ классового опыта, который является объектомъ классового искусства, отнюдь не ограниченъ подобными предѣлами; по своей тенденціи онъ безграниченъ, онъ стремится охватить все бытіе общества и природы. Пролетарій живетъ среди другихъ классовъ, въ общемъ ему либо чуждыхъ, либо враждебныхъ, но не за стѣною, а въ постоянномъ соприкосновеніи съ ними. Тысячи нитей общенія, идейнаго, экономическаго, гражданскаго, связываютъ его съ различными представителями этихъ классовъ; многое, сознательно и безсознательно, онъ отъ нихъ воспринимаетъ даже тогда, когда непріязненно сталкивается съ ними; многое, кромѣ того, стихійно сохраняется въ немъ, какъ наслѣдство отъ тѣхъ классовъ, изъ которыхъ онъ соціально произошелъ, классовъ индивидуалистическихъ, каковы мѣщанство и крестьянство. Знать ихъ, въ совершенствѣ понимать ихъ организацію, ихъ психологію, интересы, для него въ высшей степени важно и для того, чтобы не поддаться ихъ культурному воздѣйствію, и для того, чтобы точно предусмотрѣть ихъ соціальную позицію въ историческихъ конфликтахъ, безъ чего нельзя установить цѣлесообразной тактики по отношенію къ нимъ,—и также для того, чтобы взять у нихъ все то полезное и прогрессивное, что они могутъ дать.

Природа тоже вся, а не маленькая часть ея, нужна рабочему классу не только въ познаніи, но и въ художественномъ изобра-

женіи: она—безконечно расширяющееся поле его труда, ея завоеваніе—конечная его цѣль, для которой средствомъ послужитъ и новая организація общества—его классовой экономическій идеалъ.

Ни о какомъ замыканіи новаго искусства въ рамки узкоклассового быта не можетъ быть и рѣчи. Не случайно приходится нерѣдко видѣть, что рабочіе находятъ скучными и неинтересными описанія пролетарской жизни, предпочитая имъ романы и повѣсти изъ жизни другихъ слоевъ общества. Правда, это ихъ отрицательное отношеніе вызывается чаще всего сантиментально-филантропическими картинами „страданія“ рабочей массы, воспринимаемыхъ извнѣ сочувствующими ей, но плохо понимающими ее людьми. Но и помимо этого, рабочіе прямо заявляютъ очень часто, что свою среду съ ея интересами и бѣдствіями они все-же знаютъ изъ личнаго опыта, а потому имъ интереснѣе знакомиться съ другими элементами общества. Въ такихъ сужденіяхъ есть, пожалуй, тоже извѣстная односторонность, но очень понятная и единственная у людей, которымъ надо въ возможно кратчайшее время получить возможно большее содержаніе для своей мысли и чувства. Истинное искусство и для самихъ пролетаріевъ своей организующею силой способно открыть въ ихъ трудѣ, ихъ борьбѣ и обыденномъ существованіи много такого, что ускользаетъ отъ ихъ сознанія. И конечно, это сдѣлаетъ всего скорѣе, всего больше, всего вѣрнѣе тотъ новый художникъ, который будетъ представителемъ пролетарскаго искусства, который глубоко и ясно будетъ воспринимать опытъ развивающагося коллектива съ его точки зрѣнія.

XXVII.

Откуда придетъ этотъ новый художникъ? Чаще всего, я думаю, онъ будетъ уже не „бѣлый воронъ“ изъ выше лежащихъ сферъ общества, а родное дитя пролетаріата. Безъ сомнѣнія, пришлецъ съ могучимъ талантомъ и чуткой душою, который всѣмъ сердцемъ и всей волею примкнетъ къ новому коллективу, который приметъ активное участіе въ его усиліяхъ и въ его судьбѣ,—такой человѣкъ, вѣроятно, сможетъ овладѣть его массо-

вымъ опытомъ настолько, чтобы воплотить его въ образахъ искусства. Но здѣсь это будетъ болѣе рѣдкимъ исключеніемъ, чѣмъ въ области отвлеченнаго познанія. Для художественнаго творчества обязательна конкретность и цѣлостность отраженія жизни, а потому необходимо болѣе полное и непосредственное проникновеніе во всѣ переживанія коллектива, чѣмъ для творчества научнаго и философскаго.

Наблюдаемый за послѣднее время поворотъ цѣлаго ряда крупныхъ поэтовъ и художниковъ Запада къ соціализму ярко выражаетъ притягательную силу пролетарскаго коллектива, и несомнѣнно, подготовляетъ развитіе пролетарскаго искусства; но все-же было бы неправильно считать Верхарна, Метерлинка, Демеля, Франса, Лемонье и имъ подобныхъ за настоящихъ представителей этого искусства. Имъ близки уже интересы рабочихъ массъ, ихъ страданія и протестъ; но способъ воспріятія жизни, способъ ея пониманія, который складывается среди этихъ массъ, еще слишкомъ мало доступенъ художникамъ соціалистамъ Запада, и естественно, что въ этомъ ихъ могъ опередить значительно М. Горькій, который самъ долго жилъ пролетарской жизнью. Во всякомъ случаѣ, передъ нами еще только первые этапы новаго искусства; предстоитъ большой путь и трудная работа,—но каждый слѣдующій шагъ тутъ будетъ оказываться легче предыдущаго. Чѣмъ тѣснѣе будетъ организоваться пролетарскій коллективъ во всѣхъ формахъ, ему свойственныхъ, чѣмъ опредѣленнѣе будетъ кристаллизоваться его общее міросозерцаніе и мірочувствованіе, тѣмъ неизбѣжнѣе и чаще въ его средѣ будутъ находиться люди, глубоко проникнутые всѣмъ богатствомъ его переживаній, и способные стройно, гармонически организовать ихъ въ формахъ искусства.

Изъ простого соединенія писателя-интеллигента съ желаніемъ служить дѣлу пролетаріата мы еще не получимъ пролетарскаго писателя. Мало сочувствовать интересамъ рабочаго класса и принимать его идеалы, мало изучить его положеніе въ экономикѣ и культурѣ общества, мало даже активно участвовать въ его борьбѣ,—всего этого недостаточно, чтобы создать изъ поэта или художника пролетарскаго идеолога въ его области творчества. Надо дѣйствительно жить жизнью новаго коллектива, ощущать напряженно и глубоко въ своемъ сердцѣ его радости и печали, на-

учиться воспринимать міръ его глазами, улавливать движеніе классовой мысли, усиліе классовой воли. Это будетъ легко и естественно даваться роднымъ дѣтямъ пролетаріата; но для дѣтей по усыновленію это еще долго будетъ рѣдкой случайностью—результатомъ счастливаго сочетанія особенныхъ природныхъ склонностей съ необыкновенной тонкостью воспріятія, съ исключительной отзывчивостью чувства.

Безъ сомнѣнія, Новый Университетъ и Новая Энциклопедія помогутъ развитію пролетарскаго искусства. Но породить его можетъ только сама непосредственная жизнь коллектива, стихійно концентрируясь въ богато одаренныхъ артистическихъ натурахъ. Его связь станетъ гармоничнѣе и тѣснѣе, его притягательная энергія возрастетъ: на полѣ искусства онъ также одержитъ прекрасныя побѣды надъ старымъ обществомъ, творческая сила котораго изсякаетъ.

XXVIII.

Царство **нормъ**, опредѣляющихъ взаимныя отношенія людей, разрослось среди капиталистической культуры до колоссальныхъ размѣровъ: разнообразные обычаи,—различные виды права, мѣстнаго, государственнаго, международнаго,—сложная мораль, мелочныя формы приличій, и т. под. Причина такого богатства проста и очевидна: общественная система труда въ ея цѣломъ неорганизованна, анархична, полна противорѣчій и столкновеній, крупныхъ и мелкихъ; нормы восполняютъ, насколько необходимо, этотъ недостатокъ организованности, ставятъ границы антагонизмамъ и конфликтамъ, которые иначе постоянно обострялись бы, усиливаясь вплоть до полнаго разрушенія соціальной связи. Индивидуалистическое общество безъ нормъ не было бы обществомъ: оно развалилось бы на составныя части, разсѣялось бы въ видѣ стихійнаго потока человѣческихъ атомовъ.

Другую отличительную черту современнаго царства нормъ представляетъ повсюду его проникающій, своеобразный фетишизмъ. Источникъ нормъ—это общественная связь, интересы коллектива, группового, классового или обще-соціальнаго; ихъ сущность лежитъ въ ихъ организующей функціи, ихъ основа—объективное сотрудни-

чество людей. Но въ обществѣ, построенномъ на рыночной и классовой борьбѣ, всѣ эти элементы недоступны мышленію людей, неизбѣжно индивидуалистичному. Поэтому для нихъ норма является внѣшней, самостоятельной силою, ограничивающей личность. Такъ, сила нравственнаго правила для индивидуалиста заключается не въ томъ, что оно служитъ къ сплоченію коллектива, котораго онъ и не знаетъ, и не чувствуетъ подъ непрозрачною оболочкой суровой „войны всѣхъ противъ всѣхъ“. Для него сила и обязательность этого правила состоитъ всецѣло въ томъ, что оно—нравственное, что оно предписывается моральнымъ принципомъ. Моральный же принципъ для индивидуалиста опредѣляется именно его обязательностью, независимой отъ личной воли. „Долгъ есть долгъ, и ничего болѣе“,— такова наиболѣе чистая формула индивидуалистической нравственности.

Аналогичнымъ образомъ обязательность права сводится къ тому, что оно есть законъ, т. е. право. Принудительность обычая въ томъ, что „всегда такъ велось“, т. е., что онъ есть обычай; приличія въ томъ, что „этого требуютъ хорошія манеры“, т. е. что оно есть приличіе... Всюду передъ нами одинъ и тотъ же фетишизмъ отвлеченнаго: норма „отвлекается“, отрывается отъ конкретной соціальной практики людей, превращается въ нѣчто самодовлѣющее, но подчиняющее себѣ людей. Безъ этого фетишизма онѣ были бы безсильны. Напримѣръ, когда индивидуалисту доказываютъ условность, историчность, соціальное происхожденіе нравственныхъ нормъ, то онъ понимаетъ это, какъ голое ихъ отрицаніе, и впадаетъ въ великій гнѣвъ противъ „безнравственности“ противниковъ.

Какъ иллюстрацію, я приведу одинъ траги-комическій эпизодъ изъ моего собственнаго опыта. Лѣтъ 15 тому назадъ, въ одномъ университетскомъ городѣ, мнѣ пришлось вступить въ мѣстную „марксистскую“ организацію. Она состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ интеллигентовъ, и несмотря на свое страшное названіе, занималась невинными вещами—въ сущности, просто самообразованіемъ. Ея руководители находили обыкновенный марксизмъ „вульгарнымъ“, и поставили себѣ задачей обосновать программу

и построить организацію на чисто нравственныхъ началахъ [1]). Въ нѣсколькихъ кружкахъ, объединенныхъ „центральнымъ кружкомъ“, при строжайшей конспираціи, велись отчаянные диспуты о „свободѣ воли“, объ абсолютномъ принципѣ нравственности, о предпосылкахъ познанія, и т. под. Познакомившись съ постановкой вопросовъ, я заявилъ, что считаю себя „вульгарнымъ“ марксистомъ, а въ нравственныхъ принципахъ вижу соціальный фетишизмъ, обусловленный отношеніями производства. Мнѣ едва не пришлось дорого поплатиться за свою смѣлость. Мои нравственные товарищи, собираясь безъ меня, стали обсуждать, не слѣдуетъ ли исключить меня изъ организаціи за безнравственность, и склонялись къ утвердительному рѣшенію: человѣкъ считаетъ нравственность фетишизмомъ,—очевидно, онъ человѣкъ безнравственный. Только по счастливой случайности я успѣлъ, поругавшись съ руководителями, по собственной иниціативѣ уйти изъ организаціи, не дождавшись постановленія; и только впослѣдствіи отъ одного изъ товарищей я узналъ, какъ близокъ былъ къ пріятной возможности получить чинъ и званіе „исключеннаго за безнравственность“. Такъ нераздѣльна мораль отъ фетишизма въ современномъ интеллигентскомъ сознаніи.

Впослѣдствіи, во времена „Проблемъ идеализма“, г.г. идеалисты, переходившіе тогда на службу къ буржуазіи, выдвигали противъ насъ, скрывавшихся подъ фирмою „реализма“, слѣдующее ужасное обвиненіе: „вы хотите объяснить происхожденіе нравственности изъ матерьяльныхъ условій, — значитъ, вы отрицаете то, что есть для личности самаго священнаго и абсолютнаго“.

Въ до-капиталистическія эпохи, а также у сохраняющихся теперь остатковъ феодальныхъ классовъ фетишизмъ нормъ бываетъ иной, болѣе конкретнаго характера: ихъ источникомъ является личный авторитетъ, реальный или мнимый: для права — реальная фигура властителя, для нравственности—мнимые персонажи боговъ. Эти образы, конечно, также воплощали въ себѣ организаціонныя потребности коллектива, и подъ своей живой,

---

[1]) Выраженіемъ этихъ усилій явилась, нынѣ благополучно забытая, книга П. Нежданова „Нравственность“—синтезъ идей П. Лаврова и Канта съ марксизмомъ.

яркой оболочкой были, по существу, столь же безсодержательны: источникомъ нормы, ея санкціей оказывался просто произволъ.

Слѣды такого, болѣе древняго фетишизма удерживаются обыкновенно и въ новѣйшемъ, отвлеченномъ: первоисточникомъ міра нормъ и здѣсь большей частью признается нѣкоторый верховный авторитетъ,—но онъ весьма непохожъ на старые авторитеты. Развитое индивидуалистическое мышленіе не можетъ принять его въ образѣ живой, человѣкоподобной индивидуальности,—личность привыкла замыкаться отъ всякой другой конкретной личности, привыкла отстаивать свою отдѣльность и автономность отъ другихъ, ей подобныхъ. Поэтому верховный авторитетъ для этого типа мышленія возможенъ лишь въ совершенно обезличенномъ, до полной безсодержательности опустошенномъ видѣ: всѣ его человѣческіе признаки исчезаютъ, расплываясь въ концепціи „абсолютнаго".

Итакъ, фетишизмъ соціальныхъ нормъ неразрывно связанъ въ индивидуалистическомъ, какъ и въ авторитарномъ мірѣ, съ ихъ принудительностью. Поскольку эта принудительность нужна и полезна классу или обществу, постольку фетишизмъ культурно-необходимъ.

XXIX.

Если фетишизмъ соціальныхъ нормъ обусловленъ дробленіемъ коллектива, маскирующимъ этотъ послѣдній и скрывающимъ его отъ мышленія личности, то пролетарская культура, основанная на объединеніи людей въ новый коллективъ, очевидно, не нуждается въ фетишизмѣ, и должна съ нимъ покончить. Такъ это и происходитъ въ дѣйствительности.

Пролетаріатъ вырабатываетъ то, что обыкновенно называютъ его „нравственнымъ" и его „правовымъ" сознаніемъ; у него складываются даже особыя внѣшнія формы общенія, подобныя „правиламъ приличія". Въ сущности, здѣсь эти термины примѣняются весьма неточно: новыя явленія слишкомъ глубоко отличаются отъ старыхъ, обозначаемыхъ тѣми же словами.

Такъ, принято говорить, что „моральный принципъ" рабочаго класса—товарищеская солидарность. Но трудно даже сравни-

вать ее со всѣми когда-либо существовавшими моральными принципами. Чтобы быть ей вѣрнымъ, для этого пролетарію вовсе не нужна санкція верховнаго авторитета; и не требуется, чтобы она предписывалась „голосомъ долга“, независимымъ отъ всякихъ человѣческихъ чувствъ и интересовъ, требующимъ подчиненія, „потому что онъ есть долгъ“. Для сознательнаго члена коллектива ясно, что товарищеская солидарность—это основная потребность коллектива, необходимое для него условіе жизни и развитія, и что она возникаетъ изъ его фактическаго сплоченія въ трудѣ и соціальной борьбѣ. Штрейкбрехеръ внушаетъ презрѣніе другимъ рабочимъ и отвращеніе себѣ самому не по той причинѣ, что онъ нарушилъ повелѣніе абсолютнаго авторитета,—совсѣмъ напротивъ, всѣ абсолютные авторитеты предписываютъ ему покорность господствующимъ; и не потому, что онъ не послушался категорическаго императива долга, который требуетъ повиновенія безъ всякихъ мотивовъ. Причина ясна: штрейкбрехеръ подрываетъ силу коллектива, вредитъ ему, внося въ него дезорганизацію. Жизненный смыслъ принципа ясенъ, потому что отношенія между людьми въ новомъ коллективѣ просты и прозрачны.

Въ организаціяхъ пролетаріата вырабатываются и примѣняются опредѣленные уставы, правила которыхъ могутъ казаться подобными „правовымъ нормамъ“. Если правила эти бываютъ демократичны, даютъ членамъ организацій равныя „права“, то для коллективиста причина не въ томъ, что такого равенства требуетъ „абсолютная справедливость“, что неравенство было бы нарушеніемъ свыше установленнаго или же „естественнаго“ права участниковъ. Дѣло сводится просто къ тому, что организація пролетарскаго происхожденія и состава не можетъ успѣшно функціонировать при иныхъ условіяхъ, что иныя нормы мѣшали бы развитію сплоченности, а значитъ и силы организаціи, потому что противорѣчили бы тенденціямъ и отношеніямъ всего коллектива, часть котораго она составляетъ. И здѣсь нѣтъ иной мотивировки и санкціи, кромѣ потребностей коллектива.

Обычная пролетарская форма обращенія—титулъ „товарищъ“—можетъ показаться однородной съ буржуазными и феодальными „нормами приличія“. Однако, ея обязательность заключается вовсе не въ томъ, что „такъ принято“, и что всякое иное обращеніе между членами пролетарскихъ организацій было бы „непри-

личнымъ". Слово „товарищъ" выражаетъ ту же солидарность, которая во всѣхъ областяхъ классовой жизни служитъ принципомъ, нормирующимъ отношенія между рабочими, культурно-организующимъ пролетаріатъ. Для коллективиста здѣсь оно, очевидно, служитъ демонстраціей и въ то же время закрѣпленіемъ классового единства, противопоставленіемъ коллектива всей остальной соціальной средѣ,—не пустой традиціонною формою вѣжливости, а однимъ изъ организующихъ моментовъ, хотя и второстепеннымъ. Если положимъ, кто-нибудь, въ раздраженіи отъ личныхъ обидъ, отказывается примѣнять обычное обращеніе къ другому члену коллектива, то это вызываетъ протестъ вовсе не изъ-за того, что первый ведетъ себя „неприлично", „нарушаетъ законы вѣжливости", и т. под., а изъ за того, что онъ вредитъ интересамъ коллектива, ослабляя въ немъ самомъ довѣріе къ его единенію, а во враждебныхъ ему классахъ — страхъ передъ этимъ единеніемъ.

Съ тѣхъ поръ какъ исторія знаетъ нормы нравственности, права, обычая и т. под., ихъ постоянной и жизненно-необходимой чертою былъ ихъ фетишистически-императивный характеръ, —немотивированная принудительность. Ихъ объективные мотивы, ихъ соціальный генезисъ были скрыты подъ этой принудительностью. Какъ видимъ, совершенно иного типа тѣ нормы, которыя вырабатываются классовой жизнью пролетаріата. Это — нормы цѣлесообразности для коллѣктива. Ихъ мотивы и генезисъ непосредственно и открыто въ нихъ даны: интересы организованной системы, ея практика. Вотъ почему мы и считаемъ, что къ такимъ нормамъ неправильно примѣнять прежніе термины—мораль, право и т. под., - такъ же неправильно, какъ напр., научно соціалистическому міровоззрѣнію признавать названіе религіи. Авторитарность была конститутивнымъ элементомъ всѣхъ исторически извѣстныхъ донынѣ религій; гдѣ ея нѣтъ, тамъ употребленіе слова „религія" придаетъ только невѣрный оттѣнокъ понятіямъ объ изучаемыхъ явленіяхъ. Столь же невѣрный оттѣнокъ придается понятіямъ тогда, когда говорятъ о пролетарской „нравственности", пролетарскомъ „правѣ" и пр. Принципіально-новыя культурныя формы требуютъ для себя новыхъ понятій.

XXX.

Своей явной мотивированностью новыя соціальныя нормы вполнѣ соотвѣтствуютъ обычнымъ *техническимъ*. Послѣднія также всегда условны, и исходятъ изъ опредѣленной цѣли: *если* требуется осуществить то-то (получить такой-то продуктъ или сдѣлать такое-то орудіе и т. п.), то надо дѣйствовать хотъ какимъ образомъ... Въ соціальной нормѣ это „если“ замѣщено потребностью коллектива — постоянной цѣлью соціальной практики. Очевидно, передъ нами тутъ, въ самомъ дѣлѣ, просто техническая норма поведенія людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Старый міръ нормъ, какъ мы сказали, необыкновенно богатъ: въ обществѣ, построенномъ на противорѣчіяхъ и конфликтахъ, для каждаго ряда сколько-нибудь серьезныхъ случаевъ столкновенія интересовъ нужна особая норма, чтобы ихъ урегулировать и организовать въ предѣлахъ необходимаго. При категорической формѣ, неразрывно связанной съ фетишизмомъ, всякій обычай, моральное правило, законъ, необходимо *статичны*, не допускаютъ свободныхъ варіацій въ примѣненіи, лишены гибкости и пластичности. Когда измѣнившіяся условія не позволяютъ стереотипнаго приложенія старой нормы, то въ силу ея безусловности выходомъ можетъ быть только либо голое нарушеніе нормы — „преступленіе“,— либо созданіе новой, ее отмѣняющей. То и другое сопряжено со значительной растратой общественныхъ силъ — въ первомъ случаѣ потому, что получается рѣзкое противорѣчіе въ соціальной системѣ, во-второмъ, потому что новой нормѣ надо еще пробивать себѣ дорогу сквозь сопротивленіе консервативной идеологической среды. Не даромъ высказывалась много разъ идея, что новый законъ самъ по себѣ есть „преступленіе“ по отношенію къ старымъ.

Не таковы нормы, порождаемыя пролетарскимъ культурнымъ развитіемъ, въ которыхъ соціальная цѣлесообразность — ихъ основа — не затемнена и не скована никакимъ фетишизмомъ. Ихъ условность, ихъ прямая и явная зависимость отъ интересовъ коллектива исключаетъ всякое окостенѣніе; онѣ по самому существу своему пластичны. Каждая изъ нихъ соотвѣтствуетъ опредѣленной потребности и опредѣленнымъ условіямъ; если измѣняются эти послѣднія, измѣняется въ такихъ же рамкахъ примѣненіе

нормы; нѣтъ необходимости въ созданіи новой на ея мѣсто, но также нѣтъ и „преступленія“.

Допустимъ, что по уставу извѣстной пролетарской организаціи членами ея признаются лица, дѣлающія, между прочимъ, ежемѣсячные взносы опредѣленной величины. Наступаетъ жестокая безработица, многіе изъ членовъ начинаютъ вносить въ кассу меньше, чѣмъ полагается, а нѣкоторые совсѣмъ перестаютъ. Если бы дѣло шло объ юридической нормѣ, выводъ получался бы автоматически: не платящіе не подходятъ подъ опредѣленіе членовъ организаціи. Такъ, при цензовомъ избирательномъ правѣ, обусловленномъ уплатою извѣстной суммы налоговъ, тотъ, кто опустился ниже этой суммы, тѣмъ самымъ уже лишенъ избирательнаго права, безъ разговора и безъ аппеляціи. Но въ рабочей организаціи такая механическая, а точнѣе — фетишистическая точка зрѣнія невозможна. Даже не прибѣгая къ пересмотру устава, организація можетъ сохранить своихъ временно обѣднѣвшихъ членовъ, — потому что ихъ удаленіе подрывало бы ея силу въ будущемъ; и ея секретаріатъ, сохраняя связь съ неплательщиками, не будетъ считать, что онъ совершаетъ „преступленіе“; ибо уставъ для коллектива, а отнюдь не наоборотъ. То же относится къ примѣненію сложившихся нормъ товарищеской солидарности, и т. п.: всюду „законъ“ принимается не абстрактно и безусловно, а какъ живое обобщеніе конкретныхъ интересовъ коллектива, къ которымъ онъ и долженъ, слѣдовательно, приспособляться на практикѣ.

Надо замѣтить, что и въ тѣхъ буржуазныхъ организаціяхъ, которыя построены на свободныхъ, демократическихъ началахъ, наблюдается та же тенденція. Это и понятно, потому что она связана непосредственно не съ тѣмъ или инымъ классомъ, а съ опредѣленной — товарищеской — формой сотрудничества. Всюду, гдѣ послѣдняя выступаетъ, обнаруживается ослабленіе фетишизма нормъ, и переходъ къ нормамъ цѣлесообразности. Но въ то время какъ въ жизни прочихъ классовъ товарищеское сотрудничество играетъ лишь сравнительно ничтожную, случайную роль, исчезая передъ другими, основными для нихъ формами отношеній, для пролетаріата это главный типъ трудовой связи, въ своемъ развитіи поглощающій всѣ остальные. Вотъ почему коренное пре-

образованіе царства нормъ, разрушеніе ихъ фетишизма и консерватизма есть культурная задача пролетаріата, а не иного класса.

По мѣрѣ достиженія этой задачи, само собой будетъ уменьшаться и количество жизненно-необходимыхъ нормъ. Въ настоящее время ихъ такъ много, что, напр., изученіе права образуетъ особую, труднѣйшую и сложнѣйшую спеціальность; и въ то время, какъ „никто не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ", ихъ знаютъ въ дѣйствительности сколько-нибудь достаточно единицы изъ тысячъ: образецъ логики нынѣшняго строя. Въ предѣлахъ этого строя пролетаріатъ не можетъ существенно измѣнить такого положенія; но въ своей собственной средѣ, гдѣ зародилась и растетъ новая соціальная система, онъ вырабатываетъ культуру, свободную отъ загроможденія безчисленными нормами, болѣе общими и болѣе частными.

Предѣлъ, къ которому тяготѣетъ развитіе нормативнаго міра въ новой культурѣ, есть полное устраненіе нормъ чистаго характера, сведеніе всей этой области идеологіи къ яснымъ организаціоннымъ принципамъ взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Но только за предѣлами нынѣшняго строя, въ обществѣ коллективистическомъ осуществится такая ступень культуры: сознательный членъ великаго коллектива, воспитанный въ его сотрудничествѣ, на его наукѣ и искусствѣ, съ яснымъ и гибкимъ мышленіемъ, съумѣетъ во всякой конкретной комбинаціи съ другими людьми разумно примѣнить по отношенію къ нимъ тотъ всеобщій соціально-культурный принципъ, который успѣетъ тогда стать органически-руководящею силою въ душѣ каждаго человѣка.

XXXI.

Мы окинули общимъ взглядомъ всѣ области культурнаго творчества, и видѣли, что вездѣ предстоитъ гигантская работа, вездѣ нужна радикальная перестройка.

Каждая великая фаза культуры характеризуется своимъ особымъ принципомъ. Этотъ принципъ совпадаетъ съ тѣмъ или инымъ типомъ трудовой организаціи. Онъ проникаетъ собою практическое бытіе людей и порождаемое имъ мышленіе.

Первая человѣческая культура, теперь отжившая и побѣжденная, была авторитарною. Въ отношеніяхъ людей преобладала связь личнаго господства и подчиненія. Власть и авторитетъ были источникомъ всѣхъ соціальныхъ нормъ. Религіознымъ было всякое міровоззрѣніе и мірочувствованіе, познаніе и художественное творчество: всюду принималась зависимость человѣка — полная и безусловная — отъ высшихъ силъ, требующихъ вѣры, преклоненія, повиновенія, и одѣтыхъ въ живую оболочку личнаго, человѣкоподобнаго существованія. И не только всеобщая схема міропониманія была прямой линіей авторитарнаго типа сотрудничества, — всякая мысль, всякое соціальное чувство принимали формы той же связи. Въ эту эпоху каждое живое существо раздѣлилось въ сознаніи людей на организующее, властное начало — душу, и подчиненное, пассивное — тѣло. Причинная связь явленій, впервые кристаллизованная тогда въ познающемъ разумѣ, была отношеніемъ господствующаго явленія къ подчиненному: причина понималась, какъ нѣчто іерархически-высшее по сравненію съ ея слѣдствіями, какъ сила, властно ихъ вызывающая.— Въ тѣ времена родственная и половая любовь, даже дружба принимала обычно видъ гордаго, повелительнаго обладанія съ одной стороны, „преданности“, отказа отъ своей воли — съ другой. Практически-трудовое отношеніе людей стало универсальной моделью, по которой организовались всѣ переживанія, всѣ элементы и сочетанія космоса и микрокосма.

Вторая культура — та, которая еще господствуетъ въ наше время — есть индивидуалистическая. Ея базисъ — автономная личность, противопоставленная въ обществѣ другимъ, ей подобнымъ, со своими особыми интересами, со своей частной собственностью, матеріальной и духовной. Отдѣленная отъ другихъ сначала спеціализаціей, затѣмъ экономической борьбою, среди анархической соціальной системы, личность оказывается подъ властью стихійныхъ силъ общества, подъ властью недоступныхъ ея контролю производственныхъ отношеній.

Все это—и оторванность личности, и господство надъ нею экономической необходимости—становится характеристикой культуры, отражается во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ. Въ соціальныхъ нормахъ это обнаруживается ихъ абстрактнымъ фетишизмомъ и безличной принудительностью: коллективъ, какъ субъ-

ектъ нормъ, недоступенъ сознанію личности, и ихъ соціально-организующая сила воспринимается ею по образу и подобію тѣхъ безличныхъ силъ рынка, непонятныхъ и непреодолимыхъ, которыя властвуютъ надъ человѣкомъ въ его экономической борьбѣ. Въ искусствѣ постояннымъ героемъ является тотъ же человѣческій индивидуумъ среди различныхъ антагонизмовъ и противорѣчій съ другими людьми, побѣдоносный или погибающій, въ зависимости отъ сочетанія не имъ созданныхъ условій. Въ познаніи опять-таки индивидуумъ представляется единственнымъ носителемъ и творцомъ истины и заблужденія, всеобщимъ субъектомъ опыта, частнымъ собственникомъ переживаній.

Раздробленное строеніе трудового процесса и господство въ немъ стихійности здѣсь тоже образуетъ модель, по которой формируется мышленіе, отъ его высшихъ до самыхъ мелкихъ обобщеній. Это мышленіе всегда плюралистично; его постоянная предпосылка — множественность взаимно-независимыхъ вещей: атомистика у матеріалистовъ, монадологія—у идеалистовъ, и т. п. Иногда, правда, плюрализмъ прикрывается формальнымъ монизмомъ,—но пустымъ и безсодержательнымъ, какъ единство субстанціи у Спинозы, единство абсолютнаго „я“ у Фихте, единство неопредѣлимой „матеріи“ или столь же неопредѣлимаго „духа“ у другихъ философовъ. А причинная связь явленій повсюду принимаетъ характеръ голой и пустой природной „необходимости“, которой подчинены всѣ вещи и силы, какъ человѣческіе атомы общества подчинены его непостижимой и неуловимой для нихъ, а потому пустой и голой въ ихъ мышленіи — экономической необходимости.

Мышленіе возникло изъ коллективнаго бытія, какъ его сокращеніе, подобно плану, сокращенно изображающему мѣстность. Естественно, что мышленіе постоянно и строится по типу того коллективнаго бытія, которымъ порождено. Это въ полной мѣрѣ относится и къ той новой, третьей культурѣ, которую мы теперь хотимъ понять.

XXXII.

Принципъ новой культуры заключается въ товарищеской формѣ сотрудничества, и можетъ быть обозначенъ словомъ „коллективизмъ“. Онъ, какъ мы видимъ, развивается и получаетъ все болѣе полное преобладаніе надъ другими типами сотрудничества во внутреннихъ отношеніяхъ рабочаго класса; и онъ же, какъ мы знаемъ, является идеаломъ этого класса, какъ всеобщій способъ организаціи соціально - производственной системы. Его мѣсто въ классовой практикѣ, такимъ образомъ, вполнѣ ясно.

Мы уже указали, въ общихъ чертахъ, и то, какъ онъ воплощается въ различныхъ элементахъ классоваго мышленія. Всѣ соціальныя нормы пролетарской культуры сводятся, въ конечномъ счетѣ, къ принципу товарищеской солидарности. Новое искусство дѣлаетъ своимъ героемъ не индивидуума, а коллективъ или человѣка въ коллективѣ. Субъектомъ познанія, носителемъ истины здѣсь также является не личность, а коллективъ, и критеріемъ истины—его практика.

Очевидно, что изъ коллективизма должна произойти и общая схема новаго міровоззрѣнія, и лежащая въ основѣ этой схемы постоянная связь, объединяющая факты опыта — новая форма причинности. Хотя выработка этого способа мышленія далеко еще не завершилась, но уже теперь нетрудно уловить его характеръ, намѣтить его необходимыя, главныя тенденціи.

Въ предыдущемъ мы видѣли, какимъ образомъ опредѣленный типъ сотрудничества превращается въ типъ мышленія: въ область мышленія переносится и становится методомъ сочетанія элементовъ опыта практическій методъ сочетанія человѣческихъ дѣйствій. Что представляетъ въ этомъ смыслѣ товарищеское сотрудничество или коллективизмъ?

Во-первыхъ, гармоническую организованность трудовой системы. Во-вторыхъ, однородныя — при непрерывной подвижности — отношенія между трудящимися. Объединеніе рабочихъ силъ свободно отъ внутренней борьбы между ними; одинъ работникъ не смотритъ на другого сверху, какъ лицо властное, или снизу, какъ лицо подчиненное, и не отчужденъ отъ него, какъ спеціалистъ, замкнутый въ своей спеціаль-

ности; всегда мыслимъ обмѣнъ функцій между ними. По образцу такой связи строится новый механизмъ мышленія.

Ясно, что міровоззрѣніе, на немъ основанное, должно быть гармонически-монистическимъ, и связь его элементовъ должна быть повсюду однородной, но въ то же время подвижной: они должны разсматриваться, какъ взаимно-эквивалентные, непрерывно переходящіе одинъ въ другой и обратно. Ихъ коллективно-трудовой генезисъ даетъ новое содержаніе ихъ причинной связи: всякое явленіе будетъ приниматься, какъ опредѣленная активность, и какъ технической источникъ для полученія изъ него другихъ явленій, другихъ активностей, въ работѣ коллектива и въ его познаніи. Эти черты можно съ такой же достовѣрностью предусмотрѣть въ соціалистическомъ мышленіи, съ какой предусматриваются гомологичныя, т. е. не только сходныя, но по существу тѣ же, черты въ соціалистическомъ производствѣ. Идеалъ труда и познанія одинъ и тотъ же,—въ этомъ высшая цѣлостность новой культуры.

* * *

Мы знаемъ — наша культурная программа встрѣтитъ много противниковъ. Одни изъ нихъ, большинство, будутъ сознательные и разумные враги рабочаго класса, понимающіе, въ какой мѣрѣ возрастетъ его сила благодаря тому сплоченію, которое будетъ достигнуто его независимымъ культурнымъ творчествомъ. Другіе— мы надѣемся, такихъ окажется немного — будутъ недостаточно сознательные и разумные друзья рабочаго класса, не понимающіе того, что культура есть высшій способъ организаціи. Конечно, ни тѣ, ни другіе не смогутъ остановить исторически-необходимаго процесса; ихъ усилія будутъ лишь вреднымъ треніемъ, которое преодолѣетъ живая энергія великаго класса.

Но не пропадутъ усилія тѣхъ, кто сумѣетъ стать активнымъ сотрудникомъ въ грандіозно-творческой работѣ новаго коллектива, въ разрѣшеніи культурныхъ его задачъ, объективно являющихся культурными задачами всей нашей эпохи.

А. Богдановъ.

Л. Возьянский. Новая вѣлигія съ социальнымъ предъ судомъ [illegible] цѣна 50 коп.

С. Н. Кривенко. На распутьи (культ. скиты и культ. одиночки); цѣна 80 к.

Линдеманъ Гуго. Городское хозяйство и рабочій вопросъ въ германскихъ горо дахъ. Пер. съ нѣмецкаго; цѣна 1 р. 50 к.

А. Маликовъ. На-задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго (по приволжскимъ степямъ); цѣна 80 к.

Н. Мировичъ. Страница изъ исторіи Великой Французской Революціи (г-жа Роланъ). Съ 2 порт.; цѣна 1 р.

*Ф. Д. Нефедовъ. Сочиненія тт. III и IV; цѣна по 1 р.

Его-же. Святочные разсказы; цѣна 60 к.

Н. Озеровъ. Общество потребителей. Историческій очеркъ изъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Краткое руководство къ основанію и веденію потребит. обществъ. Съ предисловіемъ академика П. П. Янжула. 2-е изданіе, значительно дополненное и исправленное; цѣна 2 р.

Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. (Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни). Изд. 2-е; цѣна 2 р. 50 к.

А. Оливетти. Проблемы современ. соціализма. Перев. съ итальянск. подъ редакц. В. Шулятикова; цѣна 80 к.

Ѳ. Павловъ За десять лѣтъ практики (воспоминанія, впечатлѣнія, наблюденія изъ фабричной жизни); цѣна 50 к.

А. Погерѣловъ. Мракъ. Передъ грозой. (Изъ жизни Пріуралья); цѣна 80 к.

И. Поповъ. Самоуправленіе и земскія учрежденія; цѣна 10 к.

Дж. Руффини. Записки Лоренцо Бенони (ром. изъ жизни Италіи); цѣна 1 р.

Ж. Сороль. Соціальные очерки современ. экономіи. Дегенераціи капитализма и дегенерація соціализма. Перев. съ итальян.; цѣна 1 р. 25 к.

Соціальное движеніе въ современной Франціи. Сборникъ статей съ предисловіемъ Л. Козловскаго; цѣна 1 р.

Г. Сѣдельниковъ. Борьба за землю въ киргизской степи; цѣна 25 к.

В. Сѣрошевскій. Повѣсти и разсказы; цѣна 80 к.

Тамъ. Стихотворенія; цѣна 80 к.

Н. Тихоновскій. Повѣсти и разсказы Кн. I. Изд. 2-е; цѣна 1 р.

Его же. Повѣсти и разсказы. Кн. II; цѣна 1 р.

Его же. Повѣсти и разсказы. Кн. III; цѣна 50 к.

Шиппель. Современная бѣдность и современное народонаселеніе. Профессіональное движеніе и право коалицій. Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. И. Степанова; цѣна 1 р. 25 к.

Ос. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. П. В. 2-е дополненное изд. съ портрет. автора; цѣна 40 к.

В. Шулятиковъ. Изъ теоріи и практики классовой борьбы; цѣна 30 к.

Его же. Традъ-юніонистская опасность; цѣна 20 к.

Эритье Луи. Исторія Французской революціи 1848 г. и второй республики. Полный перев. подъ редакціей и съ предисловіемъ П. П. Румянцева. Съ приложеніемъ статьи Эд. Бернштейна: „Отъ второй имперіи до третьей республики". 144 рисунка; цѣна 1 р. 80 к.

Печатается НОВАЯ КНИГА: Бернардъ Шау. Переписка съ Л. Н. Толстымъ. Характеристика Б. Шау. Пьесы: Разоблаченіе Блэнко Поснета и изъ пьесы „Человѣкъ и сверхчеловѣкъ"—Сцена въ аду.

Книги, одобренныя земствомъ, допущены въ ученич. библіотеки средн. и низшихъ училищъ и въ безпл. народ. библ. и читальни.

Продаются во всѣхъ значительн. книжн. магазинахъ столицъ и провинціи.

Гл. складъ изданій: Москва, Воздвиженка, 6, кв 47. Тел. 196—[illegible]

Изданія научно-образовательной библіотеки.

Токвиль. *Старый порядокъ и революція.* Переводъ А. Гуковскаго, подъ ред. проф. *П. Г. Виноградова.* 350 стр. 4-е изд.; цѣна 50 к.

Вюльменъ. *Біологія растеній.* Перев. И. А. Петровскаго, подъ ред. проф. *К. А. Тимирязева.* 290 стр., 71 рис.; цѣна 50 к.

Гринъ. *Краткая исторія англійскаго народа.* Перев. *Н. Н. Шамонина.* Вып. 1-й 340 стр.; цѣна 50 к. Вып. 2-й, 392 стр.; цѣна 70 к. Вып. 3-й (послѣдній), 410 стр.; цѣна 80 к.

Гетчинсонъ. *Вымершія чудовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ.* Переводъ М. В. Павловой. Съ предисл. проф. *А. В. Павлова.* 568 стр. 48 табл., 133 рис. 1 р. 25 к. Эта книга представляетъ *полный* переводъ двухъ книгъ автора: „Вымершія чудовища" и „Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ", при чемъ главы размѣщены въ послѣдовательномъ зоологическомъ порядкѣ.

Тойнби. *Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII-мъ столѣтіи* Съ предисл. проф. *А. И. Чупрова.* 347 стр.; цѣна 50 к.

Неймайръ. (авторъ „Исторіи Земли"). *Корни животнаго царства.* Введеніе въ науку о происхожденіи животныхъ. Перев. М. В. Павловой. Съ предисл. проф. *А. В. Павлова.* 232 стр.; 28 рис.; цѣна 40 к.

Ранке. *Объ эпохахъ новой исторіи.* Перев. И. И. Шитца. Съ предисл. проф. *П. Г. Виноградова.* 192 стр.; цѣна 35 к.

Кейнсъ. *Предметъ и методъ политической экономіи.* перев. А. Гуковскаго. Съ предисл. *А. А. Мануйлова.* 284 стр.; цѣна 50 к.

Тьерри. *Исторія третьяго сословія.* Перев. подъ ред. и съ предисл. проф. *Р. Ю. Виппера.* 366 стр.; цѣна 60 к.

Романесъ. *Теорія Дарвина.* Перев. подъ ред. и съ предисл. *М. А. Мензбира.* 366 стр., 124 рис.; цѣна 70 к.

Постъ. *Зачатки Государства и правовыхъ отношеній.* Переводъ Н. В. Теплова, съ предисловіемъ профессора *М. Ковалевскаго.* 274 стр.; цѣна 60 к.

Бутми. *Развитіе государств. и общественнаго строя Англіи* (Исторія Англійской конституціи). Переводъ съ новаго англійскаго изданія подъ ред. М. В. Покровскаго. 128 стр. М. 1904 г.; цѣна 40 к.

СЕРІЯ НАЧАЛЬНЫХЪ КУРСОВЪ.

Роско. *Химія.* Переводъ подъ ред. прив.-доц. Москов. Унив. *С. Г. Крапивина.* Съ 31 рис. 122 стр. изд. 2-е цѣна 25 к.

М. М. Петтисонъ Мюръ. *Разсказы о химическихъ элементахъ.* Перев. подъ редакц. прив.-доц. С. Г. Крапивина; цѣна 35 к.

Гексли. *Введеніе въ науку.* Переводъ *Д. Кашкарова* подъ ред. приватъ-доцента Моск. Унив. *Н. К. Кольцова.* 80 стр.; цѣна 20 к.

Фостеръ. *Физіологія.* Перев. *Д. Кашкарова* подъ редакц. прив.-доц. *Н. К. Кольцова.* Съ 19 рис. 120 стр.; цѣна 30 к.

Гетте. *Зоологія* (съ рисунками). М. 1904 г.; цѣна 40 к.

Склады изданія: въ Москвѣ: Книгоиз-во С. Доров. и А. Чарушникова,—Воздвиженка, 6; въ книжн. магаз. Филимонова и „Звено", на Никитской ул. Н. П. Карбасникова, Моховая. С.-Петербургѣ—книж. магаз. „Обществ. Польза", Невскій, 40. „Провинція". Екатерининская, 4; Н. П. Карбасникова, Гост. дворъ; „Родной Міръ"—Невскій, 110 Одесса: „Родное Слово", Екатерининская, 18, Саратовѣ—„Основа", Самарѣ—„Волжанинъ"; Баку—„Сотрудникъ". Въ Варшавѣ и Вильнѣ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова.

Выписывающіе изъ склада на 2 рубля и болѣе за пересылку не платятъ; за наложеніе платежа приплачивается 10 коп.